

Евгений Худяев

СТРИПТИЗ
для одинокой
женщины

Евгений Худаев

Стриптиз для одинокой женщины

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Худаев Е.

Стриптиз для одинокой женщины / Е. Худаев —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Только представьте, хрупкая женщина Афродита Ивановна, у которой вдруг потек кран, пытается вызвать сантехника. Но вместо того, чтобы дозвониться в ЖЭК, ошибается одной цифрой, и попадает... в агентство «Горячий жеребец»! Появившийся на пороге «сантехник по вызову» явно непохож на тех, кто зачастую ремонтирует краны. Но Афродита Ивановна не теряется и получает из ситуации двойную выгоду! Именно такие житейские истории, пропитанные юмором и легкой иронией, собраны в сборнике Евгения Худаева «Стриптиз для одинокой женщины». Описанные ситуации могли бы случиться (или уже случались) с каждым из нас. Книга рекомендована всем ценителям юмора, кто любит посмеяться вдоволь и «от души».

© Худаев Е.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ДЕД МИТЯЙ, ПО КЛИЧКЕ ГАНГРЕНА	5
РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. ОТКУДА ДРОВИШКИ	5
РАССКАЗ ВТОРОЙ. ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД ДЕДА МИТЯЯ	12
РАССКАЗ ТРЕТИЙ. ДЫРИЩА ВО ВРЕМЕНИ	14
РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ. ОХОТА НА ЧУПАКАБРУ	23
РАССКАЗ ПЯТЫЙ. Я В КЕДРОВОМ ЛЕСУ ПИЛ...	32
РАССКАЗ ШЕСТОЙ. СТРАСТИ ПО ЧАПАЮ	36
НАША СЛУЖБА И ОПАСНА И... ВРЕДНА	41
ДЕЛО ПЕРВОЕ. УПЫРЬ С УЛИЦЫ ВЕСЕЛОЙ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Худаев СТРИПТИЗ ДЛЯ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ

ДЕД МИТЯЙ, ПО КЛИЧКЕ ГАНГРЕНА

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. ОТКУДА ДРОВИШКИ

В каждой деревне живет свой чудак-человек, который всю деревню веселит, или наоборот вся люди от такого чудака стонут, и горькими слезами умываются.

В нашей деревне Гнилушки, жил не тужил, дед Митяй, по кличке Гангрена.

Ох, не зря его в деревне Гангреной прозвали. С виду то Митяй, обыкновенный, ничем не примечательный старый пенёк, чистый божий одуванчик. Дед как дед. Невысокий, больше-головый, с короткой густой бородой, торчащей в разные стороны. Лицо в глубоких морщинах, глаза с хитрецей, на башке лысина большая. Лысину Митяй всегда, зимой и летом старой, потрепанной ушанкой прикрывает.

– Я чего всегда в шапке ходю. Думаете, лысины своей стесняюсь? Нет у меня, никакого к лысине стеснения. Лысина кстати, от большого ума. Да! В журналах всяких умных про то, так прямо и пишут. Ежели на башке лысина. Значит человек очень умный. Чем больше лысина, тем больше ума. Во, какие дела значит...

– Гангрена, да ты, сроду, журналы, никакие не читал, ни умные, ни глупые, – начинали подначивать деда мужики, которых забавляли речи деда.

Митяй на умников, ноль внимания.

– А ушаном прикрываю лысину, от скромности своей природной. Чтоб при общении со мной, вы не чувствовали себя неполноценными и обделенными жизнью человеками.

– Вот это загнул Митяй! – восхищались одни слушатели.

– Слышь, Гангрена не заливай, – обижались другие, – Вона, у Мишки Горбача, тоже лысина как у тебя, а страну успешно профукал. Да еще, какую страну – Советский Союз развалил. Брехливым америкосам поверил...

– Скажешь тоже, Горбач. Нашли с кем меня сравнивать. У Горбача лысина такая же, токо на башке метина нехорошая стоит. Эта метина, от дьявола... Вот та метина на мозг давление оказывает плохое. Мозг тормозит, словно палка, воткнутая в спицы колеса, – ловко выкрутился Митяй.

Почему деда Митяя прозвали Гангреной, это отдельный разговор.

Лет семь назад дед Митяй с зятем заготовили на зиму дров. Зять помог, на машине дрова привез, прямо к самому дому. Потом эти дрова, дед Митяй с зятем неделю пилили, рубили и аккуратненько складывали под навесом во дворе.

С неделю прошло, стал Митяй замечать, что кто-то дровишки у них подворовывает. Поленица потихоньку уменьшается. Утром выйдет, а одного верхнего рядка нет, словно его там и не было. Воры действовали осторожненько так, чтобы пропажа в глаза сильно не бросалась. За ночь кто-то делал одну – две ходки к нему во двор.

Крепко разозлился тогда Митяй. Обидно стало, он пилил, он рубил, а тут объявилась сволочь какая-то, и начинает нагло подворовывать дровишки. Обидно, когда воруют у тебя. Да еще свои же, деревенские. То, что это деревенские проворачивали, Митяй даже не сомневался. Окромя деревенских, здесь никого больше нет.

– Митяй, чаво по двору носишься, как корова надоевшая? – с порога крикнула баба Клава, жена Митяева, наблюдавшая уже десять минут, за непонятными дедовыми передвижениями.

– Как чаво! Дрова кто-то повадился у нас тягать. Ну, ни стыда, ни совести у людей! – возмущался дед Митяй, – Выслежу, прибыю гада, прям на месте.

Дед разошелся не на шутку. Собаки у них во дворе давно уже не было. Пришлось деду Митяю самому в засаду идти. Взял с собой теплый тулуп, ружье старенькое и дубиняку крепкую. Спрятался дед, затаился, ждет визита воров.

Только засада не удалась. Уснул ночью дед и ничего не слышал, как вор приходил к ним в гости. Еще дровишек унес, а деду в ствол ружья морковку воткнул. Вроде, как лихачество свое воровское показал.

– Вот гад! Вот гад! Ну я тебя!.. – в бессильной злобе дед Митяй кружил по двору.

Баба Клава боялась даже на улицу выходить, наблюдая из окна за исполнением Митяем боевого танца воинов племени Тумбу-юмбу, вышедших на тропу войны.

Подошел на шум Егор Колыванов, кум Митяя, разузнать что стряслось. Узнав, долго качал головой, да так усердно качал, что даже кепка с головы соскользнула на землю.

– Подлый народец, у нас в деревне, ничего другого не скажешь, – жалостливо охал кум. – К такому народу никакого доверия нет. Было, было, а такого еще не было, чтоб дрова воровать у пожилого человека... Куда мы катимся? Я бы этого вора, если бы поймал, руки-ноги ему переломал...

Посчитав, что он, честно выполнил свой долг, поддержал и утешил кума в беде, Егор Колыванов пошел дальше, по своим неотложным делам.

Неожиданно дед Митяй успокоился, а на его лице зазмеилась зловещая улыбка, хорошо заметная даже в густой бороде. Вот эта улыбка, уже сильно встревожило бабу Клаву. Она поспешила выйти на крыльцо.

– Митяй, ты чаво задумал-то лиходея этакий? – крикнула баба Клава деду.

– Я?... Клава, не пойму о чем ты говоришь? – нахмурился дед, согнав улыбку.

– Митяй, не ври мне, – настаивала баба Клава, – Мне слишком хорошо знаком, этот твой сумасшедший блеск в глазах.

– Ладно, старая, не бойсь, – дед заметно повеселел, – Есть план, как отучить всяких халавщиков до чужих дров. Но только ты, меня не спрашивай какой! Сама потом узнаешь, вернее даже услышишь...

Баба Клава так ничего и не поняла, на что ей, намекал старый пень, но расспрашивать о планах Митяя не решилась.

Дед Митяй набрал в поленнице дров, штук шесть, и уединился в сарайке, где у него хранился всякий инструмент. Два часа что-то там мастерил. Затем вышел и разложил дрова на поленнице. Двое дровишек наверх бросил, остальные в серединку повтыкал. Митяй затем отступил от поленницы, огляделся, и остался доволен своей работой.

– Все, мой капкан готов! Мы Клава, про вора скоро услышим, – сообщил дед и заговорщицки подмигнул жене.

Через два дня, ночью, в деревне, в трех местах загрохотали выстрелы, а следом по деревне прокатились жуткие крики, вопли и отборная ругань. Испуганно залаяли собаки. Деревня разом всполошилась. Откуда выстрелы, кто стрелял? Нет, если бы в это время свадьба в деревне гуляла, никто бы и не обеспокоился про эти выстрелы. Мало ли там чего на свадьбе произошло. Может муж, про свою жену что-то нехорошее узнал, о чем он не догадывался. Или жених из армии вернулся, а его невеста уже за другого выходит... Только в эту ночь, никаких свадеб в деревне не гулялось.

Мужики выскакивали полуодетые с ружьями наперевес, (в деревне каждый второй охотник). Никто ничего не поймет. Что за стрельба, что за крики. Может злодей какой-то, на деревню напал. Времена сейчас мутные, непонятные. Всяко может быть.

Только один человек в деревне – дед Митяй, проснувшись, совсем не высказывал тревоги. Накинул телогрейку, вышел на крыльцо, сел и закурил папиросу.

Баба Клава догадалась:

– Ирод, твоя работа?

Дед Митяй счастливо улыбался, не стал отнекиваться:

– Точно моя. Слышь Клава, сработал мой капкан...

В деревне, с трех сторон не утихали крики и даже наоборот, шум усилился. Потом эти крики стали приближаться. По математической формуле, кричащие люди должны были встретиться в одном месте, во дворе деда Митяя.

Дед совершенно спокойно докурил папиросу, надвинул ушанку поглубже на башку, положил себе на колени заряженную старую двустолку и стал ждать финальной сцены разворачивающейся трагедии.

Первым ворвался во двор, легко перемахнув, через плетень Санька Башмаков. Ну, кто бы сомневался. Это первый на деревне вор и все про это знали. Иногда ловили и крепко поколачивали вороватого Саньку. Только ничего не помогало. Отлежится ворюга и снова по деревне рыскает, зыркает, где чего стянуть можно. Жил Санька через дом от деда Митяя, потому и прибежал первым.

– Че Санька, и тебе не спиться? – вздохнув, спросил дед Митяй, – Ты-то молодой ишшо, а уже бессонницей страдаешь. Может, у ты глисты завелись в пузе? Потравить их надо...

– Ах, ты стручок старый! Если у кого глисты и завелись, то только в твоей дурной башке, – взревел Санька Башмаков, – Я тебя, слон сиамский, удавлю собственными руками!

– Культияпки у тебя еще короткие Санька, – презрительно фыркнул дед, при этом он, громко и презрительно сплюнул в траву.

Вор Санька, был еще ко всему большим трусом, поэтому дальше ругани он не стал ничего предпринимать.

В это время, второй пострадавший от задумки деда Митяя подоспел – Сашкин брательник, Мишка Башмаков. Этот пришел во двор с топором в руках. Дед Митяй и второму гостю не удивился.

– Санька, этот гад, в наши поленья, специально патроны засунул! – закричал Мишка Башмаков брату, – У меня всю печь разворотило!

– Дык и у меня печь вывернуло наизнанку! – брызгая слюной, взвыл Санька, чувствуя теплую поддержку брата Мишки.

– Мы, тебя кочерыжку старую, чичас в землю, верх тормашками зароем, – закричал Мишка, и даже подпрыгнул от нетерпения на месте.

При этом Мишка зло махнул топором, едва не приложив брату Саньке в лобешник. Санька предусмотрительно поменял позицию, став с другой стороны от брата, где у того не имелось топора. Братья Башмаковы, не сговариваясь, двинулись к спокойно сидевшему деду Митяю. Мишка угрожающе помахивал топором, раздумывая чего вначале отрубить Митяю, руки, ноги, или сразу по башке хакирнуть.

Дед Митяй приподнял двустолку, ласково погладил цевье винтовки и, не глядя, на братьев – воров сказал, как бы, между прочим:

– Я как раз, на кабана свое ружжо зарядил. Думал, сходу, поохочусь завтра с утраца, может, повезет, чего подстрелить... Правда, если седня кабана не встрену...

Братья Башмаковы стали как вкопанные. Вгорячах, они ружья у деда и не заметили. Стоят с ноги на ногу переваливаются, не знают, чего им дальше делать.

– Ночь ноне-то, кака хорошая, – вздохнул дед Митяй мечтательно.

Это он сказал просто так, для поддержания дальнейшего разговора, чтоб не сидеть молча болваном.

Во двор вбежал, запыхавшись, Егор Колыванов, кум Митяев. Весь расхристанный, морда сажей перепачкана. За Егора дед Митяй и не подумал бы. Удивились и братья Башмаковы.

– Чего тебе, Егорушка? – ласковым голоском пропел Митяй, – Дай догадаюсь, что-то с печкой не в порядке, дымоход наверно забился? Угадал?

– Скажи дед, гангрена тебя за ногу, твоя работа? – Егор уже усек в руках деда двустолку и ближе подходить не решался.

Вот уж на кого, но на своего кума дед Митяй даже не мог подумать. Ведь он недавно, так сочувствовал ему, когда обнаружилась кража дров... Увидев Егора Колыванова, дед даже растерялся, но надо отдать ему должное быстро сумел взять себя в руки. Потом только выдохнул хриплым, чужим голосом:

– Вот оно как... Входит, я одним махом, все змеиное кубло накрыл...

– Слышь, Егор. У тя, тоже проблема с печью? – хмуро спросил Санька Башмаков, еще до конца не «въехав» в происходящий поворот событий.

Колыванов осекся, пугливо зашарил глазами по двору.

– Ты чего, тоже у деда дрова таскал по-родственному? – не отставал Санька.

Колыванов не хотел отвечать, а Санька заметил, что тот сильно нервничает.

– Саня, ты чего... – пытался выкрутиться Егор, – Никаких дров я, ни у кого не брал...

– Тогда чего у тебя, Егорка, с печкой приключилось? – напрямую спросил Санька Башмаков.

– Ах, ты-ы шакал подзаборный! – громко ругнулся дед Митяй, как бы невзначай переместив ствол двустолки в сторону кума.

– Митяй, ты чего... – шакал подзаборный, то есть Егор Колыванов, уже включил заднюю скорость и выкатывался со двора Митяя.

На улице стали собираться соседи. Толком никто ничего не знал. Видели, что несколько мужиков забежали к деду во двор. Пошли следом, чтоб разузнать из-за чего такой переполох поднялся, и что за собрание началось у деда Митяя, на ночь глядя во дворе.

На шум прибежал местный участковый Степан Могила. В широких семейных трусах, на плечи китель наброшен, на голове фуражка, вместо сапог резиновые калоши. Участковый, мужик то не плохой, когда тверезый. Ну, а если выпьет, все, за водку и Родину продаст, да и вообще шепутной человек.

– Митяй, твоя работа? Всю деревню на ноги поднял! – строго спросил участковый.

– Да этот гад, печь у меня взорвал дома, – подбежал к участковому Егор Колыванов, с опаской поглядывая в сторону Митяя, – Еще неделя и холода придут, чем мне дом теперь отапливать?... Может гангрена его за ногу, он, вообще, на мою жизнь покушался... Кум, тоже мне называется...

– погоди, я не понял. Как Митяй, твою печь смог взорвать, – участковый смотрел на Егора, как на психически нездорового человека, – Давай все по порядку рассказывай.

Колыванов не заметил, что братья Башмаковы усиленно хлопают себя по лбам и крутят пальцами у виска, точно у них там зудело и чесалось. Егор не отличался природным умом и часто говорил то, что думал, а думал он вообще мало. И в этот раз он не разочаровал присутствующих.

– Я у Гангрены...ну у деда Митяя, дровишек натягал к себе во двор...

– погоди, погоди, как это натягал, – прервал рассказчика участковый, – Тебе, что гангрена, тьфу ты... Митяй тебе разрешил дрова у него брать?

До Колыванова стало доходить, что он глупость сморозил, теперь ему надо было срочно выпутываться из опасной ситуации. Егор решил схитрить:

– Все верно, мне Митяй сам и разрешил. Да. Говорит, ты Егорушка возьми, сколько тебе надо дров. Я не хотел брать, отказывался поначалу. Все-таки брать у старика неудобно. Но дед настоял. Говорит, не возмешь дрова – обижусь на тебя.

Лица стали вытягиваться от удивления и у Митяя, и у участкового, и у братьев Башмаковых.

– Интересно, с какого перепугу, гангрена меня за ногу, я таким добреньким стал, что дрова начал раздавать кому попадая, – от Колывановской наглости дед Митяй громко заскрипел зубами, – Что-то не припомню, чтобы я, тебе, разрешил доступ к своим дровам. Эти дрова моим потом политы...

– Разрешал, разрешал. Просто ты Митяй, запомнил, об нашем разговоре, – продолжал нагло врать Колыванов. – У тебя же Митяй, склероз. Ты сперва говоришь бери, а потом не помнишь об этом...

Дед Митяй понял, что ворюга ловко выскальзывает, уходит от наказания. Обидно.

– Если я тебе разрешил дровами пользоваться, что ж, ты кум, по ночам, ко мне шастаешь, как разбойник? – пытаюсь разоблачить подлого вора, Митяй задал куму провокационный вопрос.

– Так днем-то больно жарко, чего зря потеть. Вот, я, по прохладке решил зайти, – продолжал выкручиваться Колыванов.

– Хорошо, вот, при всех сейчас говорю. Кто еще захочет, по прохладке зайти ко мне, во двор за дровишками, шарахну из ружья! – дед Митяй потряс двустволкой в воздухе.

– Ну а печь твоя, здесь к чему? – вмешался участковый, все еще ничего не понимая.

– Так Митяй, диверсант этакий в поленьях патроны закладывает. Шутник, гангрена его за ногу! Я без всякого топить печь начал. Сидим всем семейством ни о чем плохом не подозреваем, в доме тепло уютно, и тут, как бахнуло! – начал объяснять Колыванов.

– Митяй, ты зачем патроны в поленья закладываешь? – переключился участковый на виновника переполоха в деревне.

– Мои дрова, чего хочу, того с ними и делаю, – огрызнулся Митяй, буравя злыми глазами кума подлеца.

– Но, но! Ты полегче это! Здеся ты, с властями говоришь напрямую, а не соседом... – пригрозил участковый, надвинув фуражку на самые глаза, для суровости внешнего вида своего, правда, потом ему пришлось задирать подбородок вверх, чтобы хоть что-то было видно из-под козырька.

– Дровишки у меня воровать стали. Ну, я сурпризу приготовил вору. Заодно узнал, кто воровством промышляет у нас на деревне, – признался Митяй.

– Пуцай печь у меня теперь восстанавливает, гангрена его за ногу! – закричал в праведном гневе Колыванов.

– Тебе Егор, печь в ближайшее время не понадобится, – как-то нехорошо улыбнулся участковый, до которого наконец дошла суть происшедшего шума в деревне.

– Как это не понадобится? – удивился Колыванов. – Чего это не понадобится?

– А вот так. «Закрою» я тебя за воровство дров. Надоел ты мне уже. Знаешь, сколько на тебя жалоб написали? На тебя и на братьев Башмаковых, – Участковый начинал злиться, – Еще одно художество и вам всем, полный писец! Ясно? Сейчас все по домам расходитесь, а завтра тебя, Колыванов, и братьев Башмаковых жду у себя, в кабинете.

Егор Колыванов обреченно кивнул головой и пошел со двора.

Участковый повернулся к братьям Башмаковым, но тех уже и след пропал.

– А тебя дед арестую, как террориста-подрывника. Не посмотрю, что годами старый! – переключился участковый на Митяя и погрозил ему кулаком.

– Да, меня вообще, наградить за это надо, – ерепенился дед Митяй. – Я свой способ борьбы с ворами возьму и запатентую. Еще и денежку получать буду, когда победу над криминалом, во сем мире одержим...

– Я тя, в тюрьму запатентую, хрыч старый! Шуму из-за тебя скока поднялось по всей деревне, гангрена твою мать! – ругнулся участковый напоследок, для порядка.

Дрова у Митяя больше не воровали. Дед на этом не успокоился. На своих дровах вывесил две таблички угрожающего содержания. На первой табличке, рукой деда Митяя было начеркано корявым, но разборчивым почерком:

«АСТАРОЖНО!!! ДРОВА ЗАМИНИРОВАННЫЕ».

Затем для большей жути дед Митяй собственноручно попытался нарисовать череп. Так как деду никакого опыта в рисовании не имел, картинка вышла не совсем такой, какую он хотел изобразить. Вместо человеческого черепа, вполне привычного для людского глаза, получился вытянутый череп, больше подходящий для черепа не то лошади, не то осла.

– Ничего страшного, сойдет и так... – сам себя успокоил дед Митяй.

На второй табличке, которую дед повесил рядом с первой, надпись была написана по-немецки:

«ACHTUNG MINEN!».

Дед случайно нашел эту табличку, роаясь у себя в сарае. Откуда она у него взялась, он уже и сам не помнил, да особо по этому поводу и не заморачивался.

– Чудило старое, чтож ты, нас, перед соседями позоришь надписями своими дурацкими! – закричала из окна дома, жена Клава, увидев художества деда.

– Цыц зараза! Не смей в мои дела лезть! – на этот раз дед Митяй не собирался уступать жене. – Занимайся лучше своими бабскими делами, а сюда не вступай!

По агрессивному поведению деда, баба Клава поняла, что ничего не сможет добиться, но и отступать так просто она не хотела.

– Вона, панакалякал на доске с ошибками, двоешник несчастный... – вставила баба Клава злорадно.

– А здесь, сильно грамотным не надо быть, – очень даже официально отвечал дед Митяй. – Главное суть понятна и ясна, для любителей шастать по чужим дворам. Меня участковый Могила, очень сурьезно предупредил, что если не будет на дровах предупреждающей воров надписи, о последствиях их грязных делишек, то это может соответствовать, с моей стороны, акту терроризма. Вот, теперь все наше ворье... Тьфу, чтоб у них руки поотсыхали, поставлено мною в известность о суровых последствиях воровства дров.

– Скажи Митяй, зачем ты, еще одну надпись на немецком языке вывесил? – не унималась старуха. – Тебе чего, одной мало таблички?

– Удивляюсь я тебе Клава. Время чичас какое? – спросил Митяй.

– Какое?... Нормальное время... – буркнула в ответ старуха, не понимая, куда клонит Митяй.

– Нет, Клава, чичас время такое, что все грамотные люди владеют разными языками иностранными. Мне неприятности не нужны. Участковый сказал ворье предупредить, я, как законопослушный гражданин, выполняю требование властей! А то припрется ворюга, который по-нашему вообще не умеющий читать. Посмотрит, посмотрит, чего здесь, на табличке нацарапано, а прочесть-то не сможет. Возьмет гад заминированную дровеняку, а меня потом обвинят в нарушении хранения... А так придет этот урод, а у меня для него есть соответствующая надпись на немецком языке...

– Остапа понесло, – вздохнула баба Клава. – Идиот, у нас в деревне, никто никакими иностранными языками, окромя учительки школьной, не владеет.

– Ничего ты, Клава не понимаешь, – отмахнулся Митяй. – Вечно эти бабы лезут, куда не надо...

Баба Клава со злостью захлопнула окно, скрывшись в доме.

Ну а самого деда Митяя, после этого случая прозвали Гангреной и Минером. Потом прозвище Минер подзабылось, зато другое прозвище – Гангрена так и осталось.

От себя добавлю, что история с дровами прогремела тогда по всему району, и в прямом и в переносном смысле. А оправдавшим себя методом, который придумал дед Митяй, в борьбе с ворами, стали пользоваться многие хозяева, которые опасались воров.

Потом, правда от этого метода отошли. Многие «заминировав» свои дровишки стали забывать, куда именно, в поленницу сунули эти самые дрова. В результате на «заминированных» дровах стали подрываться сами хозяева, из-за чего всегда, поминали недобрым словом деда Митяя за его выдумку.

РАССКАЗ ВТОРОЙ. ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД ДЕДА МИТЯЯ

На зимние каникулы, из города дочка с зятем приехали, и внуков с собой привезли. Митяй с бабой Клавой сначала обрадовались, затем расплакались. Не часто нынче в гости внуков привозят.

Немного успокоившись, дед Митяй с зятем за стол сели.

– Бабка, ты самтрест достань, для любимого зятка. Да и мне не помешает, – командовал по-хозяйски Митяй.

Самтрестом называли самогонку.

Баба Клава хотела возмутиться, но только глазами, строго зыркнула, на деда:

– Из хаты выйди.

– Чаво это? – удивился дед.

– Грю, из хаты выйди, проветрись. Воздухом свежим обдышись, – баба Клава махнула рукой по направлению двери, ведущей во двор.

– Это еще зачем? Не хочу проветриваться, – упорствовал дед.

– Не хочешь выходить, ну и сиди себе, черт лысый без самтреста... Пока не выйдешь из хаты, я самогон не стану доставать. Тебе знать, где самогон хранится не обязательно, – пояснила баба Клава свое требование.

– Что ж ты, меня перед зятем то позоришь. Обращаешься со мной, как со шпионом. Ладно, пошли зятек во двор, кур пересчитывать... А место, где самтрест спрятан, я все равно узнаю, – пообещал дед Митяй, пригрозив жене пальцем.

– Это вряд ли получится. Хоть собаку приводи для поисков, ничего не отыщешь, – хмыкнула баба Клава.

– Я сам как собака. Мне помощи ни от кого не надо, – не унывал дед Митяй, уже задействовав свои мозги на всю мощь, прикидывая, где баба Клава могла устроить тайник для самогонки.

Дед Митяй зря не хвастался. Однажды баба Клава, уже выгоняла деда с зятем на улицу, сама в это время достала, из только ей известного тайника самогон. Отлила, сколько посчитала нужным, для застолья, остальное снова припрятала. Потом позвала деда и зятя, и спокойно ушла по своим делам. Мужики сели за стол, разлили самогон. Зять выпил, а дед продолжал сидеть весь такой задумчивый.

– Батя, че не пьешь? – спросил зять.

– Да вот думаю. На улице мороз, а самогон теплый, значит, где-то возле печи прячет бутыл старуха.

После тщательных поисков самогон был найден и успешно ликвидирован.

– Отвлеки каргу старую, – шепнул дед Митяй в ухо зятя.

Интересно, что в этот раз придумает дед?

Зять что-то буркнул теще насчет падений курса японской иены. Затем он переключился, как тяжело рабочему японскому народу, который вынужден пить рисовую водку саке, крепость которой всего 16 градусов. Мало того, это саке еще подогревают и пьют горячим. Фу, какая гадость...

Баба Клава, на всякий случай потрогала рукой лоб у зятя и пробормотала:

– Температуры вроде нет... У тебя голова не кружится?

Дед Митяй, в это время вышел в сени и метнулся к вешалке. Вернулся довольный, кивнул головой зятю:

– Чего застыл, пошли во двор.

Уже на улице дед Митяй не скрывал своей радости:

– Зятек, все в порядке. Старая думает, что если меня в хате нет, то я не узнаю, где она прячет самогон... Какая наивная. Даже находясь на улице, я узнаю, где Клава произвела закладку.

Зять сильно сомневался, что у деда Митяя сработает его план, но решил свое мнение оставить при себе.

Через несколько минут из дома высунулась баба Клава и позвала мужиков к столу. В горнице на столе еда, а в бутылке, ласкал взгляд мутный самогон.

– Клава, этого нам мало. Не будь такой жадиной, – заканючил дед Митяй.

– Думаю, вам этого хватит. Нечего до поросычьего визга напиваться, – твердо сказала баба Клава, – Ладно, вы тут пейте. Ешьте, а мы с внуками к соседям, в гости ходим.

Мужики не возражали. Дед Митяй веселел прямо на глазах, он едва сдерживал себя, чтобы не пуститься в пляс. Зять пока сдерживал себя, не видя особой причины для веселья.

– Ловко я, свою старушку объегорил, – сказал дед Митяй, вскакивая из-за стола, – Зятек, мой план сработал. Клава сама раскрыла свой тайничок, теперь я знаю где она самогон от меня прячет.

Судя по растерянному виду зятя, он ничего не понял. Сидел, как истукан и хлопал глазами.

– Зятек, все очень просто. Я, бабке своей подошву калош мелом замазал. Смотри, какие следы она оставила, – дед Митяй бросился по следу, как заправский пограничный пес.

Следы привели деда к вещевому шкафу, где и была найдена большая бутылка, с желанным напитком в бабкином валенке.

– Вот бабушка удивится, когда вернется домой, а мы будем упитые до безобразного состояния.

Дед Митяй оказался прав, баба Клава очень удивилась увиденной картиной по возвращении домой.

– Вот черт неугомонный! Ну, как ему удастся самогон находить, ума не приложу.

– Здесь главное задействовать дедуктивный метод Шерлока Холмса, – любил повторять дед Митяй.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ. ДЫРИЩА ВО ВРЕМЕНИ

Уехать из Гнилушек, в райцентр можно было только дважды в день, на рейсовом автобусе. Первый автобус проезжал рядом с деревней совсем рано, в полшестого утра. На этот автобус обычно спешили, те, кто работал в райцентре, или кому на базар или в универмаг надо было съездить, чтоб скупиться.

Второй автобус проезжал в обед. Хотя, второй раз автобус мог и не приехать. Все зависело от настроения водителя автобуса.

Утренний автобус был всегда переполнен людьми. Зато на второй рейс, желающих уехать было меньше, даже сидячие места в автобусе оставались.

Приходить на остановку следовало заранее. Потому, как водитель автобуса мог приехать раньше времени, зато он, долго не задерживался на остановке, и никогда, никого не ждал. Опоздал, значит, сам в этом виноват.

Деревня Гнилушки раскинулась в двух километрах от дороги. Вот, и выходит, если хочешь уехать, то выходи заранее, чтоб успеть пройти по всяким буеракам до остановки вовремя.

Наступившая пятница 13-го не внушала опасений для жителей деревни, по ходу такого стечения обстоятельств. Деревенские даже не догадывались, какой опасности они подвергались в этот день. Но, пока ничего плохого не происходило. Солнышко ярко светило, птички весело щебетали. Полная тишь и благодать.

На остановку, за полчаса до приезда автобуса потянулись первые люди из Гнилушек. Здесь можно встретиться, и поболтать о всякой ерунде, в ожидании автобуса.

О чем обычно могут говорить люди, живущие в одной деревне. Да, про все подряд. В деревне всегда полно разных событий происходит. У одного корова отелилась, у другого коза потерялась. Вон, у Ситниковых дочка замуж выходит, клянется, что еще девочка, а самой пузо-то уже на девятом месяце. Из деревенских никто в непорочное зачатие не поверил... У Монастыревых сын из армии вернулся, а у Желудевых наоборот, мальчишку только призвали в армию. Повезло сыночку, попал он в танкисты. Мальчонка шустрый оказался, месяц всего отслужил, прислал письмо домой, что его уже представили к награде; «Лучший танкист части». Только, чтобы получить награду, надо заплатить за медаль 600 рублей. Желудевы обрадовались, сразу деньги на медаль, сыну отослали. Потом три раза оббежали всю деревню, хвастаясь какой у них умный сынок...

Но, сегодня, на остановке говорили совсем про другое. В центре внимания оказалась старая Кирилловна. Прижав руки к груди, она жутким шёпотом вещала, воровато оглядываясь по сторонам:

– Вот вам крест... Чтоб мне провалиться, если я вру!..Сама, все видела так же хорошо, как сейчас вижу вас, перед собой...

На остановку подтянулся Дед Митяй, в своей неизменной ушанке на большой, лысой голове. Ему сегодня, тоже, зачем-то понадобилось поехать в райцентр.

Митяй прищурился, оценивая обстановку. Из людей, ожидавших автобус, он сразу выделил старую Кирилловну, которая была в центре внимания.

– ...В полночь пес мой, Киллер перепугался до смерти. А вы, его видели, здоровый такой песик, словно теленок. Никогда, и никого не боялся. А тут, Киллер, в полночь взвыл от страха. Дернул со двора, волоча за собой здоровенную будку, словно его кипятком ошпарили. Потом Киллер так прыгнул, что цепь железную оборвал начисто. Так с цепью и сгинул в неизвестном направлении. После того, я его больше и не видела...

Кирилловна смолкла, торжественно оглядев присмиривших слушателей.

– А что псину твою так напугало? – не выдержала одна из теток.

Кирилловна только этого вопроса и ожидала, чтобы продолжить свою историю:

– Я женщина одинокая, меня любой обидеть может... Но, у меня на такой случай есть ружьишко, которое ишло от мужа маво осталось. Я за ружжо, и на крыльцо выскочила. Второпях, даже зарядить его забыла... Гляжу, за забором, по улице, в ночном тумане всадник скачет, мимо маво двора. А только всадник тот не простой...

Кирилловна опасливо огляделась по сторонам, быстро перекрестилась и понизила голос:

– Всадник-то, проскакавший мимо, был похож на татарина... На башке шапка мохнатая, в руке сабля кривая... Такими татаровей на картинках изображали, в книжке по истории.

– Какой еще татарин? Отколь здесь татарин, с саблей кривой взялся? – тоже шепотом загудела, словно трансформаторная будка здоровенная, двухметровая баба Сонька Камышова.

– Отколь, отколь, – передразнила Кирилловна Соньку Камышову. – Не знаю я, отколь он взялся, лично я, у него спрашивать побоялась...

– Кирилловна, почему знаешь, что это был татарин?

– Так он же, увидев меня, завертел саблюкой над головой, и прокричал: «Якши, якши»! Это по-татарски значит – «хорошо, хорошо»...

– Господи, теперь крышка нам, – закатила глаза худая, как жердь женщина со странным и смешным именем Шушаника Борисовна.

Дед Митяй насторожился, из-под ушанки, ловко высунулось тонкое, хрящеватое ухо, перехватывая интересную беседу.

– Ой, врешь ты, Кирилловна, – отмахнулась пухлой ручищей Сонька Камышова.

– Да, зачем мне врать? – обиделась Кирилловна. – Говорю так, как своими глазами видела...

– Я, почему знаю, зачем ты врешь, – пожала мощными плечищами Сонька Камышова.

– А я, верю Кирилловне, – момент был самый подходящий, чтобы вклиниться в интересную беседу, и дед Митяй не упустил такую возможность.

– Во, еще одним вралем стало больше, – хмыкнула Сонька Камышова. – Тебя только не спросили Митяй, верит он, или не верит...

– Сам видел, в лесу, и татар монгольских, и витязей русских, – ничуть не смущаясь, продолжил дед Митяй. – Дело то в чем? Наша деревня, Гнилушки находится в аномальной зоне. Все дело в небольшом разломе, который находится под нашей деревней, в земной коре. Из-за него проклятого и все беды у нас.

– Какие такие беды? Какие разломы в коре? Митяй, чего ты плетешь? – не смогла ухватить мысль деда Митяя Кирилловна, но при этом стала опасливо осматривать землю под ногами, в поисках того самого разлома в земной коре.

Дед Митяй выдержал паузу, победоносно оглядев всех собравшихся на остановке людей.

– Из-за разлома, в земной коре, у нас происходит время от времени преломление пространства, – дед Митяй скорчил зверскую рожу, и выкатил глазища из орбит.

Деревенских пробрала дрожь, и они опасливо прижались друг к дружке и закрутили головами, пытаясь обнаружить это самое преломление пространства. Но спокойствие и веселый щебет птиц временно успокоил их.

– Вы спросите, чем нам грозит преломление пространства? – дед Митяй пытливо вглядывался в лица деревенских.

Деревенские явно не торопились задавать такой каверзный вопрос, и дед Митяй, не дождавшись вопроса, сам же на него дал ответ:

– Преломление пространства создает у нас, в районе некий туннель, который является туннелем во времени. Или как говорят ученые, это – Дырища во Времени.

– Ой, Боженька... – охнула Шушаника Борисовна.

– Что за бред, – вмешался бухгалтер Крыса Анатолий Валентинович, который считался самым умным, и самым начитанным человеком в деревне. – Какая еще Дырища во Времени. Может Дыра во времени?

Деда Митяя невозможно было смутить. Окинув Крыса презрительным взглядом, дед Митяй заявил:

– Дыра, это вот, в кармане дыра, – Митяй сунул руку в карман пиджака, и высунул из дырки короткий палец, с грязным ногтем. – Это дыра, в которую можно палец только высунуть, еще можно мелочь потерять. Голова сюда не пролезет. А когда через туннель времени всадник с саблей, на коне, целиком проезжает, это уже Дырища во Времени. Или я не прав? Вот, через эту Дырищу и проник к нам татарин на конячке из прошлой жизни.

Бухгалтер Крыса сконфузился и отступил, не желая продолжать спор, явно уступая напору деда Митяя.

– Ладно, Дыра, или Дырища, мне без разницы это. Скажи лучше Митяй, раз такой умный, откуда здесь татарин взялся? – спросила Сонька Камышова.

– Эх, Сонька, историю надо знать, – заважничал дед Митяй. – В древние времена, в наших местах, самого Батыя остановили. Вот про Козельск все знают, что он на семь недель татарву задержал у своих стен. А кто знает про нашу деревеньку Гнилушку? Никто. В книгах, про нашу деревню не пишут. Название у нашей деревни, для истории не подходящее. А зря. Цельный татарский отряд здесь сгинул, когда их в болото заманили. Опосля татары в сторону свернули, решив другим путем в степь свою возвратиться... Я, так думаю, что ходят сгинувшие татары неприкаянные, в другом, загробном мире. Иногда им случается вырваться из глубины прошлых веков, в нашу суровую действительность...

Деду Митяю самому понравилось, как он, лихо закрутил словестный оборот.

– Лет восемь назад, цельное немецкое подразделение, через Дырищу во Времени выдвинулось к нам. Я о том случае никому не рассказывал, знаю, все равно не поверили бы. А могла большая беда приключиться, – дед Митяй в один миг принял суровый и озабоченный вид. – Я, в лесу на немцев, случайно наскочил. Главное шел по лесу, тишина, вокруг никого, вдруг за спиной ветка громко хрустнула. Обертаюсь, а сзади пятеро солдат стоят, а на солдатах чужая одежда надета. Хотел удрать, чтоб сообщить куда надо, о вражеском отряде, да не тут-то было. Я, уже был окруженный со всех сторон. Рожи у солдат совсем не нашенские. Все рослые, здоровые, как на подбор. И все оружием обвешанные, с ног до головы.

– Вот, врет... – хмыкнул бухгалтер Крыса.

Дед Митяй решил не обращать на бухгалтера внимания, и продолжил свой рассказ:

– Лопочут чего-то по-немецки. Мне их не разобрать. Я языками не владею. Потом пытаться стали. Нашли переводчика, спрашивают, где расположен 5-й танковый механизированный корпус. Я фрицам говорю, что сам, про такой корпус не слышал. Вижу, не верят мне. Уже пытошный струмент раскладывают на земле, передо мной. Офицерик ихний не выдержал, как вдарит меня по морде. Два зуба выбил, гад... Я боль с детства, ужас как боюсь. Вот, с перепугу, взял грех на душу, ляпнул, что танковый корпус вчерась, у нас в деревне Гнилушки стоял на отдыхе. А сегодня, рано утром снялся очень быстро и уехал. Куда уехали танки, о том, ничего не знаю. Вижу, все одно не верят. Меня связали, и оставили. Сами начали совещаться. Вижу, что конец мой близок, стал веревку зубами грызть. Перегрыз и, давай бежать через густой кустарник. Немцы всполошились, бросились в погоню, начали из автоматов палить. Пули вокруг, как рассерженные осы жужжат, ветки срезают, и громко шелкали по деревьям. А я, бегу так, как никогда в жизни не бегал... А потом вдруг, такая тишина обрушилась, что в ушах зазвенело. Оглянулся, а сзади-то никого нет. Только что были люди, и вдруг никого...

– Вот врет... Вот заливает, – продолжал злобствовать бухгалтер Крыс, предусмотрительно прячась за широкой спиной Соньки Камышевой.

– Самому показалось, что все померещилось, – неодобрительно посмотрел Митяй, в сторону Крыса. – Потом, когда немного отдышался, вернулся назад. Огляделся, вижу, что в стволах свежие отметины от пуль остались, а немцы, словно сквозь землю провалились.

Рассказ Митяя произвел на слушателей гнетущее впечатление.

– Кто не верит, могу отвести на то место. Следы от пуль, в деревьях указать...

Желающих полюбоваться следами от пуль не нашлось.

– А вы знаете, я вчера, сама мужиков в доспехах видела в нашем лесу, – вздохнув, призналась Машка Кривошеева. – Ягоды собирала, слышу, идет кто. Я в кустах затаилась. А по тропинке, мимо, проходят пятеро, в доспехах блестящих, и со щитами здоровыми. А щитах кресты большие...

Машке Кривошеевой поверили. Знали, что она, вроде, до этого никогда много не врала.

– Если с крестами, то это крестоносцы, – уверенно заявил дед Митяй. – И этих к нам, через Дыришу во Времени затянуло.

Сонька Камышова заметно присмирела, спросила осторожно:

– Митяй, скажи, если этих татар и крестоносцев затягивает в наше время... Потом, что с ними происходит? Они возвращаются к себе, или у нас остаются?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – равнодушно пожал плечами Митяй. – А вы, вон, у Крысы спросите.

– Не Крысы, а Крыса, – обиделся Анатолий Валентинович.

– Какая разница, – махнул рукой Митяй. – Ты, Крыс, лучше ответствуй на поставленный вопрос.

Бухгалтер явно не был готов к ответу, но решил не ударить лицом в грязь, расправив узкие плечи, Крыса голосом лектора выдал следующее умозаключение:

– С научной точки зрения... В общем, если через Туннель времени к нам, сюда, кого – либо затягивает, то должно вытягивать и в обратном направлении. Скольких затянуло, столько должно и вернуть назад...

Деревенские не знали, это хорошо для них или плохо.

– Но, – кривой большой палец Крыса угрожающе поднялся вверх. – Может случиться такая ситуация, что возле Туннеля времени, (Крыс категорически не желал заменять Туннель времени, на глупое митяевское название Дырища во Времени), в это время окажется совершенно посторонний человек, из нашей действительности. Туннелю времени все равно кого возвращать назад. Так что назад, в древние века, может вернуться человек, который сам того не зная, просто, случайно проходил мимо этого самого тоннеля. Это может быть кто угодно, грибник из нашей деревни, или охотник... Бац, и человек перемещается по Туннелю в иную эпоху.

– Господи, Боже мой... Что же это делается на белом свете... – охнула Кирилловна.

– Зато можно будет на Ивана Грозного поглядеть, или на Петра Первого... – хмыкнул дед Митяй. – За жизнь с ними поговорить...

– Неужели такое может происходить? – у Соньки Камышовой полученная информация просто не укладывалась в голове.

В это время, в лесу что-то громко захрустело. Все испуганно посмотрели в сторону леса. Это было совсем рядом, метрах в тридцати от остановки.

– Кабан, наверное, лезет по своим делам... – не совсем уверенно предположил Крыса.

– Или медведь... – добавил дед Митяй.

Но ни Крыса, и не Митяй не отгадали причину шума. Из леса раздался такой жуткий человеческий крик, полный боли и отчаяния, что в один миг людей охватила паника.

В этот самый момент, из леса вывалился плечистый, бородатый мужик в кольчуге, и в остроконечном шлеме. В одной руке мужик держал длинный меч, а в другой у него был крас-

ный щит. Бородач настороженно огляделся по сторонам, прикрываясь щитом и шатаясь, двинулся через дорогу, прямо к остановке.

– А че я, вам, говорил... – пискнул дед Митяй. – А вы, неправда все это, неправда...

На остановке тоже произошло изменение. Сонька Камышова, с большого перепугу хлопнулась в обморок. Прямо, как стояла, так и грохнулась на спину. Бухгалтер Крыса, который все это время прятался за Сонькиной широкой спиной, оставшись без прикрытия, почувствовал себя неудобно. Люди сжались в испуганную кучу, и отвалили в дальний конец остановки. При этом, дед Митяй успел втиснуться в самую серединку этой кучки перепуганных людей. Шустрый дед уже поглядывал, примеряясь, куда ему, лучше слинять, от греха подальше.

Треск и шум в лесу не прекращался. Из леса на дорогу высыпало еще два десятка бородачей в кольчугах, шишаках, с мечами и копьями в руках.

– Господи, что же это творится... – взывала Кирилловна.

Один из бородачей, самый грозный по виду, придвинулся к деревенским. Спросил строго, гневно сверкая глазами:

– Вы, отколь будете, люди добрые?... Куда нас нелегкая занесла?

Бородач спросил таким жутким голосом, словно сказал, что вам, всем деревенским сейчас кирдык будет.

Упал без сознания местный грамотей и бухгалтер Крыса Анатолий Валентинович, найдя для себя выход из сложной ситуации.

– Пропали мы... – простонал кто-то.

– Мы сами... из этих... как же она называется... – Кирилловна с дрожью в голосе пыталась вспомнить название своей родной деревни.

Остальные деревенские тоже молчали, словно в рот воды набрали. Только дед Митяй что-то бестолково мычал и вращал глазами в разные стороны, словно сумасшедший.

– Преследует нас ворог лютый... – бородач в кольчуге тяжело дышал, лицо блесело от пота. – Идет ворог по нашим следам. Скоро здесь будет. Ежели укажете вражине, в какую сторону мы скрылись... – бородач выдержал паузу, затем грозно блеснул злыми глазами. – Возвернусь потом назад, всех порублю на куски, как бешенных собак...

Еще две деревенские бабы удобно устроились на земле, потеряв сознание.

– Глеб, время зря теряем с этими смердами, уходить надо! – закричали бородачи, опасливо зыря по сторонам.

Глеб угрожающе махнул мечом и побежал к своим. Бородачи с шумом вломились в лес, по другую сторону от дороги.

Деревенские застыли на остановке, боясь пошевелиться.

– А я, вам, чего говорил, – словно попугай талдычил одно и то же дед Митяй, первым придя в себя. – А вы чего мне, враки это все, враки... Теперя сами все видали... Здесь надо с запасными портками ходить, на случай конфуза... Хорошо хоть кольчужники никого с собой в лес не уволокли...

– А че, могли утащить? – спросила пришедшая в себя Сонька Камышова.

– Еще как могли. Вот, хотя бы тебя, Сонька. Ты баба здоровая, силы, как у мужика. Могли к себе в отряд записать, в дружину, – дед Митяй ляпнул, явно не подумав о последствиях.

А последствия не заставили себя ждать. Сонька Камышова снова хлопнулась в обморок.

– Ну, Митяй, ну, язык, как помело... Чистая гангрена...

– Да, чего я, такого сказал? – дед Митяй начинал приходить в себя. – Вот в милицию надо срочно бежать. Пущай власть такими безобразиями занимается... А то бегают по лесам, людей пугают мечами да копьями...

В лесу снова зашумело, затрещало.

– Поздно бежать... – печально констатировал дед Митяй.

Очнувшийся было Крыс, снова улегся на землю, лишившись чувств. Дед Митяй снова опасливо переместился в середку сбившихся в кучу деревенских баб.

– Ой, пропали мы, сиротинушки... И некому за нас заступиться... – завывала Шушаника Борисовна.

В это время, на дороге показался устрашающего вида громадный, весь матово черный, похожий на танк, «хаммер» Яшки Глиста.

Необходимо сделать небольшое отступление, чтоб пояснить кто такой этот Яшка Глист. Глист, это такая фамилия была у парня. Яшка сам родом из Гнилушек. В он, детстве ничем примечательным не запомнился. Первый лодырь и бездарь на деревне. В армии не служил, зато по малолетке попал в колонию. В Гнилушки не вернулся, осел в райцентре. Там и выбился в «люди».

Биография у Яшки самая заурядная. Пацан занимался рэккетом, потом несколько лет сидел, потом совсем пропал. Думали, что Яшку грохнули за его «подвиги», а он объявился, и стал депутатом. Но и там накосячил. Может, помните, громкая история была, когда Яшка трем проституткам сделал депутатские мандаты. Потом водил этих проституток прямо на заседание... Яшку Глиста с треском выгнали из депутатского кресла, и он вернулся в Гнилушки, при больших деньгах. Здесь бывший депутат и осел. Яшка Глист развил бурную деятельность на деревне. Первым делом он, выкупил колхоз, который под его руководством быстро захирел. Потом Яшка купил магазин, который перестроил по своему вкусу. Магазин теперь стал называться, на манер городских, «Минимаркетом». Он стал в два раза больше, и намного красивей. Зато по ассортименту товара, которые в нем продавались, в него не очень любили заходить местные.

Деревенские недовольно ворчали:

– Раньше, в наш магазин, два раза в неделю хлебушек привозили. А Яшка Глист жвачек этих дурацких накупил. Жвачками сыт не будешь. Сколько не жуй резинку, сытней от этого не становится...

Мужики тоже были недовольные:

– Нафига Яшка, такую дорогую выпивку завез в магазин. Всю свою зарплату потратить можно за одну только бутылку. С сигаретами та же история, все очень дорого... Лучше мы, своего родного самтреста наведем...

«Минимаркет» тоже постепенно загибался. В него обычно заходили деревенские, чтобы поглазеть на диковинный товар. Но, Яшке все нипочем. Для себя Яшка построил огромные хоромы, и отгородился высоким забором. По углам стояли видеокамеры. А во дворе бегали здоровущие доберманы, и жили постоянно четыре шкафообразных телохранителя...

Но про Яшку Глиста, я расскажу как-нибудь в другой раз. А сейчас вернемся на остановку, где в страхе застыли бабы, не в добрый час собравшиеся поехать в райцентр...

К остановке приближался бронированный «хаммер» Яшки Глиста, когда из леса выскочило чудо в рогатом шлеме с мечом и со щитом. И надо же было так случиться, что это чудо рогатое выскочило прямо под колеса бронированной машины. Загрохотало так, словно кувалдой ударили по башне танка. «Хаммер» резко затормозил, вгрызаясь колесами в мягкую землю. Рогатое чудо, от сильного удара отлетело метров на десять. В момент падения рогатый шлем слетел с головы, и все увидели перекошенное от боли человеческое лицо.

На остановке, все деревенские сбились от страха в одну кучу. Так и стояли, и все вместе, дрожали, ожидая дальнейшего развития событий.

Из леса вывалило еще с десяток рогатых рыцарей. Все в доспехах, все вооруженные мечами, копьями и топорами.

– Трындец Глисту пришел, – громко сглотнув слюну, выдавил из себя дед Митяй.

На этот раз Митяй сильно ошибался. Из машины вылез Яшка Глист с выпученными, как у камбалы глазами. Глист только вылез, и сразу заорал:

– Ты че, лошара, совсем охренел!!!

Когда же бизнесмен увидел, что его машина, от столкновения с рыцарем получила приличную вмятину, Яшка взревел, словно Кинг-Конг после кастрации.

– Да я, тебя сосиска консервированная, своими руками порву! – кричал Яшка.

– Мужик успокойся! Ты, сам виноват! Это ты, гоняешь по дорогам, как Шумахер. Вот, и человека сбил... – закричали рогатые рыцари, с крестами на щитах, заслоняя собой рыцаря, сбитого машиной.

– Чего?! Это, кто, я, еще и виноват? – Яшка Глист развернулся и кулаком огрел ближайшего рыцаря по башке.

От удара загудел рогатый шлем. Крестоносец рухнул, как подкошенный. Яшка Глист снова взвыл, но теперь от боли. Всё-таки кулаком бить по железу, мало приятного. Яшка крутнулся, подхватил с земли брошенный меч, и прыгнул на растерянных рыцарей. Глист завертел в воздухе мечом, и стал насаждать на крестоносцев, раздавая удары направо и налево. Крестоносцы вскинули вовремя щиты, успев закрыться от ударов. Зазвенела сталь, полетели в стороны искры. Рыцари пятились назад под ударами Яшкиного меча.

– Да, я, вас!!!!..Урою!!!!.. – ревел Глист насаждая на рыцарей.

Из леса вылезло еще два десятка рогатых рыцарей. Они замерли, увидев странное побоище, развернувшееся на дороге, возле помятого «хаммера».

– Этого уroda надо остановить, а то точно, кому-нибудь отрубят голову или руку! – закричал двухметровый верзила, который был главным у рыцарей.

К Яшке Глисту подскочил один из рыцарей, и ловким ударом выбил из его рук меч. Яшка если и растерялся, то только на пару секунд. Он с яростью носорога попер на рыцаря с кулаками. Рыцарь был наготове. Мощный кулак, вместо головы впечатался в щит. Рыцарь в ответ долбанул бизнесмена – придурка кулаком, по его башке. Кто-то добавил плашмя мечом по жирному заду. Яшка задергался и закричал от боли.

– Ну, вам пипец, уроды железноголовые! – Глист бросился к машине, выхватил из салона помповое ружье. – Молитесь Робокобы и Терминаторы, я из вас, сейчас дуршлаг буду делать!

Рыцари тоже оказались тертыми пацанами. Увидев, что слова здесь не помогают, Глисту мечом, одним махом разрубили помповик на две половины. А в дверь «хаммера» угрожающе воткнулись две стрелы.

– Еще дёрнешься дундук, третью стрелу получишь в глаз, – пообещал главный рыцарь.

До Глиста наконец дошло, что с ним не шутят. Он застыл, играя желваками.

– Здесь недавно пробегали кольчужники. В какую сторону они ушли? – спросил старший из рыцарей у теток на остановке.

Деду Митяю показалось, что рыцарь уставился именно на него, своими бешеными глазами. Этот страшный взгляд в один миг подавил волю Митяя. Дед честно показал, где скрылись в лесу кольчужники.

– Теперь кольчужникам хана! – радостно взвыли рогатые рыцари. – мы их догоним и порубим...

Рыцари быстро пересекли дорогу и скрылись в лесу, волоком утаскивая двух раненых воинов. Еще некоторое время слышался хруст веток и звон железа.

В это же время половина остановки лежала в глубоком обмороке. Другая половина деревенских собиралась присоединиться к первой половине.

Деду Митяю не повезло. Он, уже собирався удрать, уверенный, что из леса, в любой момент может выскочить еще какая-нибудь нечисть. Но, очнувшись было Сонька Камышова, потеряла в пятый раз сознание, в этот раз, грохнувшись прямо на Митяя, придавив деда к земле своим роскошным телом.

– Сонька, коровище, ты чего вытворяешь, – хрипел под тяжестью Сонькиного тела дед Митяй, напрасно пытаясь столкнуть бабу. – Ну-ка слазь, пока не сделала меня инвалидом...

На этот раз Сонька недолго находилась в отключке. Дед Митяй вылез, отряхиваясь и отдуваясь.

– Вот, зачем Бог создает таких баб здоровых... – недовольно кряхтел дед. – Ну, какой от них толк. Только одни трудности и вред по жизни...

Всех невольных участников драматических событий привлек внимание приближающийся рокот мотора. Здесь невозможно было ошибиться, это ревел мотор мотоцикла участкового Степана Могилы. А вскоре и он сам появился в поле зрения. Участковый летел по дороге, размахивая черной, резиновой дубиной. Ну, как не залюбоваться такой героической личностью...

Через полминуты мотоцикл остановился напротив остановки. Это Нинка Дубова, еще в самом начале сообразила, что дело пахнет керосином. Она по-тихому смылась в деревню. А там выложила все участковому...

– Что здесь происходит? – закричал участковый, прыгая с мотоцикла.

– Эх, Степушка, мы, почитай, с того света возвратились... Нас, чуть в капусту не изрубили ироды проклятые... – пожаловался дед Митяй всхлипывая. – Пострадали не за что...

Бабы тоже хором завывали, размазывая по щекам тушь.

– Вот, дела какие темные у нас творятся, под боком властей... А власти не в курсах об этих безобразиях... Вона Дырища во Времени, рядом с деревней открылась, – голос Митяя крепчал. – Теперь через Дырищу шастает к нам все, кто хочет... Непорядок полный... Крестососцы, кольчужники повылазили...

– Степка, мне, эти гады машину видал, как изуродовали... – заорал пришедший в себя Яшка Глист.

– Степушка, так как ты, лицо, приближенное к властям, то давай, принимай меры, – продолжал Митяй. – Раньше такого озоровства у нас не было... Как хотите, а Дырищу во Времени изолируйте от порядочных людей... Выставляйте милиционерский пост, ставьте шлагбаум, чтоб чужих людей к нам не допускали до деревни...

– Да, какая Дырища, – рубанул дубинкой по воздуху участковый. – Нет у нас никакой Дырищи во Времени. Ты, Митяй, наверно на солнце перегрелся.

– Как это нет Дырищи? – дед Митяй даже подскочил от негодования. – Да мы, своими глазами все видели. Сначала кольчужники пробежали. Нас они не тронули, только угрожали. А потом рогатые появились... Вон, Яшка с ними даже рубился на мечах...

– А-а, вы про это. Так это у городских такое новое развлекалово. Две команды одеваются в рыцарские доспехи, колошматятся мечами, и бегают по лесам друг за другом... – пытался объяснить участковый.

– Не убедительно, – проворчал Митяй. – На городских они не сильно похожи.

– Степка, мне плевать откуда взялись эти уроды. Смотри, что они с моей машиной сделали, – кричал Яшка Глист, показывая рукой на мятый капот «хаммера». – Если надо, то я этих рогатых из Дыры Времени враз вытяну, и заставлю платить за причиненный мне ущерб. Если же они из нашего времени, то все сильно облегчается...

Участковый покачал головой:

– Глист, они из нашего времени, но это не облегчает твою проблему.

– Не понял...

– Один из команды рогатых, сын нашего губернатора, а второй племян районного судьи, а третий...

– Все, хватит Степан... Я понял, что здесь мне, ничего не светит...

Яшка Глист обернулся к «хаммеру», и криво усмехнулся:

– Я знаю с кого бабло можно содрать.

Яшка Глист вытянул навороченную мобилу и набрал номер:

– Ося, привет. Ты, мне «хаммер» бронированный подогнал... Так вот, не хочу тебя расстраивать, он вообще не бронированный... Ося, я знаю, что говорю... Я отвечаю за свой базар... Как узнал, что он не бронированный, и при этом остался живой?... Вопрос конечно интересный... Ты, наверное, рассчитывал, что меня похоронят в твоём «хаммере»... Ося, я спокоен... «Хаммер» не выдержал экзамен... В него стреляли из лука... Нет, не кидали луком, а стреляли из лука... Стрелами стреляли. Так вот, твою крупновскую броню легко пробивает самая обыкновенная стрела, выпущенная из лука... Ося, ты попал на хорошие бабки... Я знаю, что ты все, до копейки возместишь... Я, в этом даже и не сомневаюсь...

Ладно, не буду утомлять читателей пацанскими терками. Яшке Глисту, в конце концов возместили за бракованную машину. Потом по дешевке подогнали настоящий бронированный «хаммер».

А деревня Гнилушки продолжила жить по-старому. Хотя еще некоторое время местные жители держались настороженно. На всякий случай, они, с опаской поглядывая в сторону леса. Не смотря на увещевания участкового, многие продолжали верить, что рядом с ними всё-таки есть Дырища во Времени. А раз есть Дырища, то в любой момент, рядом с деревней могли появиться незваные гости из прошлых веков.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ. ОХОТА НА ЧУПАКАБРУ

На выпивку у деда Митяя отменное чутье имелось. Мужики только схоронились, от посторонних глаз в кустах за селыпо, только разлили по бумажным стаканчикам водку, как из кустов вынырнул дед Митяй.

– Привет мужики, вы не подумайте чего плохого, я тут, просто мимо шел, по своим делам. Вижу, вы собрались, думаю подойду, поздравляюсь с хорошими людьми, – дед присел на корточки рядом с мужиками, и громко зашмыгал носом, поглядывая в сторону бумажных стаканчиков.

– Гангрена тя за ногу, – досадливо сплюнул в сторону Федька Быстроух, – Вот, и шел бы ты, дед дальше своей дорогой, куда шел... Принесла же нелегкая.

Дед Митяй на эти слова даже ухом не повел, только вздохнул:

– Злой ты, Федька и жадный, а вить я, когда ты, ишшо мальцом был, скоко обнянчивал тебя на руках. Таскал по всей деревне. Федька то с детства злой уже родился. Эту злость, исходящую из Федькиного нутра, животного всякая хорошо чуяла. Помню, ему балбесу, годика два токо было, а его уже, то собака куснет, то кошка поцарапает, то петух клюнет, или коза боданет рогами...

– Дед, ты чего плетешь! – злился Федька Быстроух, видя, как мужики начинают подхихивать с него. – А вы, чего ржете! Один дурень языком треплет, а другие дурни зубы скалят...

Дед Митяй, спокойно продолжал вспоминать о Федькином детстве:

– Ох, и вредный дитенок был... Ежели Федька захныкает, я ему соску в пасть. Горластый, ужас, как Иерихонская Труба. А гадить как любил... Тока чистую рубаху поменяю, а ентот стервец, словно выжидает моменту. Потом на тебе, получишь фашист гранату...

– Брехня все это! Обнянчивал он. Да тебе, обнянчивать... верблюда даже не разрешат! – Федька от обиды вскочил на ноги, видя, что окончательно теряет свой авторитет среди мужиков.

– Не, верблюдов обнянчивать я не буду. Во первых, не умею их обнянчивать, а во вторых, боюсь верблюдов этих. Больно здоровенные они и еще плюются по людям... Я к вам мужики, не лаяться с Федькой пришел, а по делу дюже важному. Чичас скажу причину, сами мне стакан с водочкой предложите...

– Уверен в этом? – строго спросил Васька Дубов, местный здоровяк и самый авторитетный мужик на деревне.

– Конечно, уверен, иначе вас, мужики, не отвлекал глупостями разными... – кивнул башкой дед Митяй.

– Выкладывай, что за дело у тебя, – сказал Васька Дубов.

– Если нальете, скажу, где у нас, рядом с Гнилушками Чупакабра схоронилась, – заявил дед Митяй, как бы, между прочим.

Здесь уже все мужики на ноги повскакивали и разом загалдели:

– Дед, ты, с головой дружишь!? Откуда знашь, где Чупакабра прячется!?

– Трындит Гангрена, как пить дать. Ничего он за Чупакабру не знает! – кричал громче всех, обиженный ранее словами Митяя, Федька Быстроух.

Дед Митяй выждал, когда все успокоились, и спокойно пояснил:

– Может я, жизнь свою рисковал, а логово этой твари выследил...

– Вот брешет, как по нотам, – продолжал кричать Федька Быстроух. – Жизнь он рисковал. Как бы не так...

– Тихо мужики! – рявкнул на крикунов Василий Дубов.

Мужики послушно замолчали, перестали галдеть, расселись по своим местам.

Бумажные стаканчики с разлитой в них водкой, сиротливо стояли на земле.

– Послушай дед. Если ты, триндишь, то мы, из тебя самого Чупакабру сделаем. Кожу высушим, и соломой набьём. Заместо чучела в райцентре, в музее будешь стоять, за стеклом. Понял? – Дубов пристально посмотрел в глаза деду Митяю.

В деревне все знали, что Василий Дубов слов на ветер зря не бросал. Если чего сказал, то в лепешку разобьется, а так и делает. Дед Митяй громко сглотнул, и с трудом выдержал этот тяжелый взгляд. Затем маленьким кулачком ударил себя в тощую грудь:

– Мужики, ну, какие здесь шутки могут... Точно говорю, знаю, где скрывается эта химера.

Дело в том, что эта самая Чупакабра недавно появилась где-то в их районе. Народ сейчас грамотный стал, все телевизоры смотрят, газеты читают. Лет десять назад еще, по телеку показали, что появилась невиданная зверюга, в Мексике. Там, по ночам, эта Чупакабра нападает на домашнюю живность; на курей, кроликов и коз. И выпивает у несчастных животных всю кровь. Назвали таинственное животное – Чупакабра, что переводится с испанского, как КозоСос.

Раньше эта зверюга водилась где-то далеко за океаном, в Мексике и дел у деревенских до нее никаких не было. Прошло время, Чупакабра совсем обнаглела, перебралась через океан и самовольно появилась у них в районе. Шлялась ночами по деревням, и нападала на домашнюю живность.

После первого случая, когда во дворе у Ситниковых, утром обнаружили обескровленных кроликов, (причем все клетки были открыты), паника в Гнилушках и началась. Местный грамотей, и бухгалтер по призванию, с незаконченным высшим образованием, Анатолий Валентинович Крыса авторитетно заявил, перед всем собравшимся людом, и перед Ситниковыми, рыдающими над телами безвременно погибших кроликов:

– С полной уверенностью говорю – это сделала Чупакабра! Все указывает, на ее рук... простите лап, и зубов дело! Эта тварюка, как вампир, всю кровушку у несчастных кроликов отсосала.

Словно подтверждая эти ученые слова Крыса, жалобно взвыли собаки, будто чуя большую беду, что внесло еще большую панику в сердца деревенских жителей.

– Как на покойника воют, – бросил кто-то из толпы.

– Да как же эта сука, через океан, из Мексики, к нам добралась? – спросил Федька Быстроух, втайне надеясь, что это ужасное злодеяние, у них с кроликами совершила не Чупакабра.

– Так на то, у нее крылья имеются, – ответили ему Крыса.

– А может, эта Чупакабра на пароходе затаилась и переплыла к нам через океан, – высказал собственное предположение дед Митяй.

– Все, мы пропали... Нам конец...

Ужас охватил людей. В Гнилушках поселился страх. По ночам улицы вымирали, словно по мановению волшебной палочки. В деревне становилось тихо, как никогда. Жалобно выли собаки, пытаясь схорониться в ночное время в хозяйских домах.

Через неделю на другом конце деревни новое происшествие, Утром, еще в одном дворе нашли мертвых кур. На тушках несчастных явственно заметные ранки – прокусы, через которые вся кровь была высосана. Просто ЖУТЬ, да и только.

Еще через три дня, у Желудевых, ночью Чупакабра убила и высосала кровь из кроликов и курей. А большая собака, охранявшая двор исчезла без следа.

В деревне началась паника. Участковый Могила, явно не справлялся со своей работой. На деревенском сходе решили, ввести временно комендантский час, в ночное время, с обязательным патрулированием улиц, усиленными нарядами вооруженных добровольцев. Как решили, так и сделали. По ночам, по пустым деревенским улицам болтался усиленный патруль, который уровень своей храбрости поддерживал горячительными напитками.

Но Чупакабре все было нипочем, она продолжала хозяйничать в деревне, оставаясь неуловимой. Чупакабра не боялась собак, обходила все капканы и ловушки, чтобы поочередно

наведаться в те дворы, в которых еще до этого не была. Действовала Чупакабра дерзко и нагло. Двери сараев, где находилась хозяйская живность, она выламывала. Если не могла выломать крепкую дверь, делала подкоп под стеной, или разбирала крышу. Утром хозяева, с ужасом разглядывали следы громадных когтей, которая оставляла Чупакабра на деревянных дверях и стенах, пытаясь проникнуть в сарай...

Не миновала эта доля местного богатея Яшки Глиста. К Глисту эта Чупакабра пробралась за высокие стены, но не смогла попасть в сарай, по причине его крепких дверей и стен. Утром, железная верь сарая, имела все признаки попытки проникновения. На двери красовались вмятины и следы когтей. Не сумев проникнуть в сарай, Чупакабра нагло нагадила прямо на капот Яшкиного «хаммера».

Как эта тварь пробралась вовнутрь, неизвестно. Охранники ничего не видели, собаки ничего не почуяли. Зато по камере видно, как быстро метнулась через высокий забор мутная тень чего-то большого и очень уродливого...

Вот, какие дела творились в Гнилушках. А тут дед Митяй заявляет, что знает, где скрывается Чупакабра. Деду сразу налили водки. Он выпил, утерся рукавом, сказал:

– Заброшенный дом в двух километрах от села, где еще рядом стоит сарай сгоревший...

Все разочарованно зашумели:

– Да мы, там сто раз были. Нет там никого, тем более Чупакабры.

Дед Митяй не смутился:

– Все верно. Вы в дом днем заходили, там пусто. А Чупакабра, к вечеру из леса подтягивается, чтобы ближе к деревне быть...

– Дед как же ты, разнюхал про ее логово? – спросил недоверчиво Василий Дубов.

– Случайно это вышло, – дед Митяй смутился, но не стал вдаваться в подробности.

– Ладно, тогда не будем время оттягивать. Допиваем водку, и расходимся по домам, – сказал Васька Дубов.

– Вася, зачем мы, по домам расходимся? – удивился Федька Быстроух.

– А как мы, на Чупакабру попремся, что с голыми руками? – спросил Васька Дубов.

– Понял, – просиял Федька Быстроух.

– Дома вооружайтесь, берите с собой какое-нибудь оружие. Через час, на этом месте собираемся. Потом двинем к заброшенному дому, Чупакабру ловить, – четко по-военному распоряжался Дубов, – Никому только не болтайте зря, куда идем. Чтобы паники не случилось.

Уйти на Чупакабру по-тихому не получилось. Иногда пьяные мужики бывают болтливей баб. Тайну сохранить не удалось. Вскоре вся деревня знала о крестовом походе против Чупакабры. Около селы, провожать смельчаков собралось почти все население деревни. Так наверно даже на войну не провожали мужиков. Бабы сами пришли и детей еще с собой прихватили. Бабий рев стоял оглушительный. Мужество смельчаков стало быстро уменьшаться. Некоторые бабы вцепились в своих мужиков мертвой хваткой и не хотели их отпускать.

Председатель, Тимофей Ярыгин, привел местный оркестр. Музыканты, грубо фальшивя, все порывались сыграть «Прощание славянки» и «На сопках Манчжурии».

– Оркестр зачем приволокли? – обозлился Васька Дубов. – Нам лишний шум не нужен...

– Мужики, так положено провожать воинов на святое дело! – громко всхлипывал председатель Ярыгин, растроганный патриотизмом деревенских храбрецов.

Дубов, еле сдерживаясь, постучал председателю по голове кулаком:

– Ты, Тимофей, совсем сдурел?! Хочешь, чтоб Чупакабра заранее узнала про наш секретный план?

– Да, про ваш секретный план, уже все собаки знают, – оправдывался председатель.

Дубов видел, надо торопиться, а то у мужиков нервы не выдерживали, героизм слабел с каждой минутой. Чтобы компенсировать силу духа, мужики уже принимали не по первому стакану самогонки...

– Мужики, хватит самогонку хлестать! Двигаем вперед! – скомандовал Дубов.

Сильно разросшийся отряд двинулся по направлению к заброшенному дому. За Дубовым пошло человек пятнадцать, вооруженные ружьями, вилами, топорами и устрашающего вида дубинами.

Дед Митяй бодренько шагал рядом с Василием Дубовым, в первом ряду.

– Митяй, где твое вооружение? – строго спросил Дубов.

– Оружия не имею, по причине своего миролюбивого характера, – охотно пояснил дед Митяй.

– Безоружные нам не нужны. Если нет оружия, оставайся в деревне! – еще строже заявил предводитель деревенского ополчения.

– Не могу этого сделать, – покачал головой дед Митяй. – Ежели останусь в деревне, мне потом, стыдно будет смотреть вам в глаза. Люди скажут про меня, что дед Митяй струсил, убоился какого-то чудища... Нет, даже не упрашивайте меня, я иду с вами дальше! А оружие, я подберу у погибших, кого Чупакабра в бою прикончит.

– Ты че дед, думаешь погибшие будут? – робко спросил Федька Быстроух, прислушиваясь к разговору.

– Конечно, будут погибшие, как же без этого, – подтвердил дед Митяй.

Федька Быстроух уже пожалел, что увязался с мужиками ловить Чупакабра. Как бы Чупакабра их самих не переловила...

Деревенская дружина двигалась вперед, оставив далеко позади родную деревню. На дороге застыли бабы с детьми, безотрывно глядя вслед уходящим ратникам.

Дед Митяй, шагавший вровень с Васькой Дубовым, при приближении к заброшенному дому, начал потихоньку отставать, перемещаясь в конец строя, жалуясь на разболевшуюся, не кстати спину.

– У-у, проклятушая, вечно ты не ко времени дергать начинаешь... И ноги у меня уже не те... Я то, за вами, молодыми, уже не поспеваю... – притворно вздыхал дед Митяй, оглядываясь по сторонам, решая, где бы ему надежно схорониться.

Вечерело. Солнце скатывалось к земле, зловеще наливаясь нездоровым румянцем.

– От дурень, я же патроны для ружья не взял, – хлопнул себя по ляжке Захар Комаров, – Я сейчас, я мигом вас нагоню... Одна нога здесь, другая там...

– Захар. Зачем тебе патроны, ты Чупакабру прикладом по башке приложи... – съехидничал дед Митяй.

Но, Комаров, уже рысью ломанулся назад в деревню, едва не сбив идущего, за ним следом деда Митяя. Отряд в растерянности остановился. Многие с тоской оглядывались назад, завидуя хитроумному Захару Комарову, который ловко слинял.

– Комар, зараза ушел. Вряд ли вернется, – сказал кто-то из мужиков.

– Конечно, не вернется, он что дурак, – и здесь дед Митяй успел встрять в разговор.

Дубов понимал, что необходимо переломить ситуацию, иначе мужики дальше не пойдут, а просто разбредутся.

– Что стоим, кого ждем?! Или струсили? Если боитесь, я никого не держу силком, можете домой возвратиться к бабам своим. Оно легче то, семки на завалинке лузгать, да за бабий подол прятаться. Сами справимся!

Отряд решительно двинулся вперед к намеченной цели. Когда подошли к заброшенному дому, уже стемнело. Отряд уменьшился еще на пару человек, которые, воспользовавшись сумерками, нырнули в кусты и скрылись.

– Как думаешь, дед, Чупакабра уже здесь? – спросил Дубов.

– Да, примерно в такое время она приходит, – непонятно для чего соврал Митяй, сам не совсем уверенный в этом.

Митяй остался с отрядом, только из чистого любопытства, но стал потихоньку отходить к густому кустарнику, из которого и собирался наблюдать за сражением.

– Вася, может, лучше завтра придём... Лучше подготовимся к сражению с чудищем... – заныл Санька Башмаков, который сам не понимал, какого черта он, поперся ловить Чупакабру.

– Заткнись Санька, а то в глаз получишь, – пообещал Васька Дубов.

Санька послушно заткнулся.

– Рассыпаться цепью. Дом окружить! – скомандовал Дубов, – По моему выстрелу-сигналу, одновременно врываемся в дом со всех сторон, и берем эту Чупакабру тепленькой!

– Васька, может, подпалим дом со всех сторон, зажарим эту страхолюдину! – предложил Федька Быстроух.

– Федька, тебе все бы только палить... Ничего не будем палить! Я хочу выволочь эту тварь, а потом людям показать, кто на них страху нагнал, – заявил Васька Дубов. – И еще я хочу, в морду Чупакабре плюнуть...

Мужики удивились такому странному желанию, но никто не стал возражать. Хочет человек плюнуть в морду Чупакабре, ладно, пусть плюет сколько хочет.

Дом окружили. Ночь выдалась безлунная, темная и жуткая. Операция вот-вот должна была начаться. Все застыли, ожидая сигнала к действию. Дубов удостоверившись, что дом находится в плотном окружении, поднял ружье, собираясь дать сигнал для атаки, но не успел.

Федька Быстроух выбирая себе позицию, в темноте наступил на грабли. Неизвестно откуда они там только взялись. Федька сразу и не понял, что ему под ноги попало. А пока он размышлял, на что это он наступил ногой, в лоб ему, со свистом врезалось ручка от граблей. От неожиданности и боли Федька заверещал как баба. Палец рефлекторно дернулся, надавив курок винтовки. В тишине грохнул оглушительный выстрел.

Мужики, услышав выстрел, посчитали, что это и есть сигнал. Они со всех сторон бросились к дому. Двухметровый здоровяк Гришка Ивакин, первым с разгона врезался в дверь дома, посчитав, что она заперта. Как же он просчитался. От легкого прикосновения дверь сразу открылась, а Гришка по инерции, словно смерч ворвался вовнутрь дома, и пронесся через все комнаты, сшибая все, что попадалось на его пути. Грохот в доме стоял страшный. Создавалось впечатление, что через комнаты несется громадный локомотив, у которого отказали тормоза. Сам дом трясло, как во время землетрясения.

– Уходит, уходит! Эта сука пошла на прорыв! – кричал Василий Дубов, который не видел, и не знал, что в дом, с другой стороны ворвался Гришка Ивакин, – Мужики, не дайте ей уйти!

Петька Монастырев догадался, что Чупакабра, в панике несется через весь дом, с диким ревом, прорываясь к спасительному для нее окну. У окна находился он, Петька Монастырев и Ванька Ситников. Получалось, теперь только одни они, могли остановить это чудовище. Ванька вооружен ружьем, а у Петьки была при себе, только дубиняка тяжелая.

– Ванька стреляй в окно! – закричал испуганный Петька Монастырев, не очень рассчитывая на свою дубину.

Воображение уже рисовало в мозгу Петьки это ужасное, уродливое создание, вооруженное большими когтистыми лапами и клыкастым ртом. Неизвестность пугала больше, чем, если бы он, увидел Чупакабру перед собой. Сильно хотелось забраться в лопухи – не ко времени прихватил живот.

– Ванька стреляй! Стреляй, же черт тебя заберет...

Ванька вскинул ружье, направив ствол в черную бездну окна. В глубине дома он, ничего не сумел разглядеть, зато услышал приближающийся грохот чего-то тяжелого и мощного. Ванька прокричал злорадно:

– Это тебе сволота, за моих кролей, тобой убиенных!

Ванька Ситников нажал на курок и его прошиб пот. Он вспомнил, что собирался, но так и не зарядил ружье. Сухой щелчок подтвердил его опасения. Все, это был конец! Мужики остались безоружными, перед лицом взбешенного чудовища. Дубиняка в руках Петьки Монастырева не в счет. Разве остановишь чудище сосущее кровь, этой палкой. Вряд ли...

Петька, не услышав выстрела, понял в каком критическом положении они оказались с Ванькой. Еще Петька понял, что только один он, способен остановить Зверя. Страх придавал Петьке Монастыреву мужество и решительность, которых ему, так не хватало в повседневной жизни. Стремясь остановить чудовище, Петька схватил здоровую каменюку, лежавшую под ногами. Он оттолкнул в сторону, Ваньку Ситникова, застывшего у окна с бесполезным ружьем в руках. Размахнувшись, Петька метнул каменюку, прямо в окно, наполовину прикрытое ржавым куском металла. Ах, какой это был великолепный бросок. Петька даже залюбовался собой со стороны. «Видела бы меня, сейчас Аннушка», – подумал Петька про жену. Бросок был хорош, только сам стрелок оказался не на должном уровне. Петька второпях, немного промахнулся. Каменюка с грохотом врезалась в кусок железа, частично закрывавшее это злосчастное окно. Железо жалобно застонало, прогибаясь под мощнейшим ударом камня. Этот кусок железа сыграл с Петькой злую шутку, камень, ударившись об металл, отскочил и, с не меньшей скоростью отлетел назад, врезался в лоб Петьке Монастыреву. У того в глазах зарябило от сотен ярких звезд, а в мозгах зашумело, словно к обоим ушам одновременно приложили две огромные, морские ракушки. Петька рухнул, как подкошенный. В это время металл, закрывавший окно отлетел в сторону. Из окна вывалился Гришка Ивакин, весь в пыли и паутине, которого Иван Ситников принял за Чупакабру, и с размаху огрел прикладом ружья по голове. Гришка взревев нечеловеческим голосом, незамедлительно ответил мощным ударом кулака в челюсть. Ванька, громко щелкнул зубами, и его отбросило назад. Но, мужикам на помощь уже спешил Василий Дубов, с другой стороны бежало еще трое ополченцев. Мужики дружно налетели и набросились на Гришку, думая, что лупят Чупакабру.

– Мужики держитесь! – успел крикнуть Дубов и получил крепкий удар в ухо.

За домом, с другой стороны тоже гремели выстрелы. Там кипело настоящее сражение. Кто-то громко и жутко кричал, кто-то звал на помощь мамочку.

«С кем эти придурки, там воюют... Или в доме целых две Чупакабры скрывались»? – успел подумать Дубов, теряя сознание, от очередного удара.

На окраине деревни перепуганные жители сгрудились около участкового Степана Могила. Сначала участковый к происходящему отнесся с большой долей юмора. Пытался урезонить мужиков:

– Нашли кому верить, деду Митяю. Вы что, не знаете этого фантазера. Глаза зальет, а потом ему муть всякая мерещится. Чупакабры в природе не существует. Это все сказки, для дурачков. Вот темнота.

Но, мужики возглавляемые Васькой Дубовым, ушли ловить Чупакабру. Люди, собравшиеся на окраине села, не расходились. Они смотрели вслед уходившим охотникам на Чупакабру и тихо переговаривались, настороженно прислушивались к тишине.

– Интересно, дошли уже наши до брошенного дома, или еще не дошли, – неизвестно у кого спросила Анна Монастырева.

– Дошли, и скоро назад вернуться ни с чем, ваши охотники за Чупакабрами, – раздраженно сказал участковый, не скрывая иронии.

Степан Могила уже хотел уйти к себе домой, когда округу потряс страшный нечеловеческий крик. Крик исходил, от заброшенного дома, куда направились охотники. Через несколько секунд раздались первые выстрелы. Заревели бабы, одна за другой, подхватывая рев, как переходящее красное знамя.

– А ты, че говорил Степан. Выдумки, фантазии, – нервно дернул участкового за рукав фирменной милицейской рубашки Гаврилюк, старый дедок с медалями на пиджаке, – Слышишь, с кем там мужики войну затеяли?

Участковый не знал, что теперь и думать ему.

На край деревни сбегались встревоженные жители. Некоторые бежали, прихватив с собой оружие.

– Степан, ты теперь за старшего у нас. Гри, чаво делать нам! – разволновался дед с медалями на пиджаке, – Может подмогу, нашим выслать, а нам прямо на дороге баррикаду построить...

– Успокойся дед, со своей баррикадой! – оборвал деда участковый, – И помощь никуда, на ночь не пошлем. Если что, выступим на рассвете.

– Как же так. До рассвета, эта кикимора заморская, из наших мужиков всю кровушку высосет! – заорала Нинка Дубова, худая, высокая баба, сильно переживавшая за мужа Василия.

– Из ваших-то мужиков, если кикимора и высосет кровушку, то к утру она сдохнет, – решил пошутить участковый, чтобы хоть немного разрядить обстановку. – Траванется кикимора алкоголем, который вместо крови в мужиках...

Шутку не оценили. Бабы стояли, хмуро и презрительно разглядывая участкового. У заброшенного дома стрельба не стихала. Раздавались крики человеческие и нечеловеческие.

– Истребляет наших мужиков Чупакабра, пока мы здесь бездействуем... – снова вставила Нинка Дубова, которая была близка к истерике.

– Прекратить панические разговоры! – скомандовал Степан Могила, – На краю деревни, выставить заслон вооруженный. Костер большой разжечь. Наверняка эта зверюга огня боится. А я, к себе на участок. С райцентром попробую связаться. Помощи у армейских попрошу...

Участковый дозвонился в райцентр минут через двадцать.

– Дежурный Кочубей, – еле слышно отозвалась трубка.

– Кочубей привет, это Могила! Срочно буди начальство! Нам, в Гнилушках, срочно помощь требуется. Пусть пришлют военных с автоматами, и пару танков, – закричал в трубку участковый.

– Могила, что у вас случилось? Объясни по-человечески...

– Кочубей, солдат пусть пришлют. Танки нужны, артиллерия! У нас здесь Чупакабра появилась... – сбивчиво кричал Степан, – Мужики пошли ее ловить, и сгинули... Есть угроза, что Чупакабра может напасть на деревню...

– Могила, ты пьяный? Какая еще Чупакабра? Какие танки? Проспись, а утром перезвонишь...

– Подожди Кочубей, нам помощь нужна! Погибнем мы, все здесь, – гнул свое участковый, поглядывая опасливо в окно, боясь увидеть там, крадущиеся в темноте чудовище.

– Могила, иди ты в...

– Я требую, чтоб вы, зафиксировали мой звонок...

– Да, пошел ты... – в трубке загудели гудки отбоя.

Участковый здраво оценил чрезвычайное положение, сложившиеся в деревне. Он достал из оружейки автомат с двумя полными магазинами. Затем участковый вернулся на окраину деревни, где уже стоял вооруженный заслон. Могила решил людей не расстраивать, потому уверенно и громко сообщил:

– Товарищи! К нам на помощь пришлют военных! Они во всем разберутся!

Люди немного приободрились.

Ночь прошла тревожно. Хотя крики и выстрелы у заброшенного дома прекратились, это не успокоило деревенских. На рассвете заметили возвращающийся к Гнилушкам отряд ополченцев. Участковый в бинокль пересчитал людей. Все вроде живые. Ну и, Слава Богу!

Мужики собрались во дворе заброшенного дома. Кто-то запалил огонь. Осмотрелись.

– Ну и видок у нас... – невесело хмыкнул Васька Дубов.

– Ты на себя лучше посмотри, – огрызнулся кто-то из мужиков.

Действительно отряд после ужасной схватки был сильно потрепан. Одежда, разодрана в клочья. Лица в синяках, ссадинах и шишках.

– Хорошо, что все живы остались...

– Что делать будем? – спросил мужиков Василий Дубов, – Не скажем же сельчанам, что целый час воевали, сами с собой... Нас же засмеют. Позора не оберемся...

С этим доводом все согласились.

– Давайте скажем, что здесь по-настоящему пряталась Чупакабра и мы, пытались ее схватить, – предложил Федька Быстроух. – Но, у нас ничего не получилось... Она удрала в лес...

Все разом посмотрели на лежащего у костра Гришку Ивакина. Ему досталось больше всех, из-за того, что его приняли за Чупакабру.

– У нас, просто нет другого выхода, – согласился Дубов.

Потрепанные ополченцы хмуро молчали.

– А кто видел этого сморчка Гангрону? – вдруг вспомнил Васька Дубов про деда.

Все начали осматриваться, деда нигде не было.

– Гангрону никто не зашиб случайно? – спросил Дубов, – Надеюсь, он живой остался.

Деда Митяя во время «сражения» никто не видел. Всю «битву» он просидел, затаившись в кустах. Митяй и сейчас сидел в своем убежище. То, что увидел дед, сильно его напугало. Толком он, так и ничего не понял. Мужики начали стрелять, потом кричать, или наоборот, сначала начали кричать, и только потом стрелять. В доме грохот, на улице драка. Дед Митяй просто упал на землю и Богу молился.

– Слышь, Митяй, выходи из кустов! – крикнул Дубов, прикинув, что дед скорее всего там отсиживается.

С полминуты было тихо, потом затрещали ветки. Из кустов опасно выбрался дед Митяй. Выбрался на полусогнутых ногах, огляделся по сторонам:

– А где эта, Чупакабра-то? Вы, ее пристрелили, или в плен взяли?

– Пытались схватить. Несколько раз из ружей в неё палили, палками били. Но, тварь вырвалась и раненая ушла в лес, – сообщил Васька Дубов.

– Она же, вернется... – вздохнул Митяй.

– Это вряд ли. Мы ее потрепали основательно, – возразил Дубов. – Сильно подранили Чупакабру. Сама подойдет в лесу... Скажите мужики!

Мужики, которые штурмовали заброшенный дом, охотно закивали головами:

– Чупакабре не выжить...

Утром, на рассвете отряд, постанывая и прихрамывая, двинулся домой к деревне.

Один только Гришка Ивакин, не мог идти самостоятельно из-за полученных в бою травм. Двое крепких ополченцев поддерживали его с двух сторон.

Собравшихся на окраине деревни сельчан увидели издалека. Все бойцы сразу как-то подтянулись, расправили плечи. Победители должны выглядеть героями.

Радостно заверещали, бабы кидаясь к своим мужикам.

Участковый выдвинулся вперед:

– Василий докладывай, как все прошло! Слыхали здесь мы, какую баталию вы, там устроили. Поди, цельный час канонада гремела. Чистая Полтавская битва...

– Все, управились с Чупакаброй. Ох, и здоровенной она оказалась, – не моргнув глазом начал врать Дубов, – Мы в нее палим из ружей, а ей хоть бы хны. Прет на нас, как трактор. Пули даже отскакивали, словно не кожа у нее, а броня...

Люди охотно верили, охали и вздыхали, переживая, словно сами участвовали в кровопролитном бою.

– Мы Чупакабру и вилами, и дубинками. Не поверите, дубье ломается, вилы гнуться... – продолжал врать Дубов.

– Так как, вы совладали с гадиной, если ее, пули даже не берут? – удивлялся участковый, то и дело в волнении, хватаясь за кобуру, – Вы ее убили?

– Нет, не убили, – Дубов виновато опустил голову, – У нас такого оружия нет, чтоб с Чупокаброй покончить.

Все испуганно замолчали.

– Так оно че... живое ишшо? – испуганно спросил Гаврилюк, дед с медалями на пиджаке, – Добить надо было обязательно...

– Ты дед не горячись. Мы этой гадине, глаз один, из ружья выбили. Крылья поотшибали. Ноги переломали... – рассказывал Василий.

– А чего не добились?! – не унимался дед с медалями.

– Дед, ты на нас посмотри. Она Чупакабра, хоть и вся раненая была, а вона Гришка Ивкин пошел на перехват, так она просто смяла его, как соломенный сноп. А Гришка среди нас самый здоровый. Хорошо хоть сам живой остался, – у Дубова, в этот драматический момент даже голос задрожал, – Только думаю, она, после такой трепки, вряд ли сунется в наше село.

– Мужики! Теперь надо вам раны подлечить! – закричал участковый, – Мы для вас, хорошее лекарство приготовили. Быстро раны затягивает, как на собаке.

В деревне лекарство одно от всех болячек – самогон.

Победу отмечали дня три.

Надо добавить, что Чупакабра больше так и не появилась в их деревне.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ. Я В КЕДРОВОМ ЛЕСУ ПИЛ...

Гришка Ивакин и Федька Быстроух собирались в лес за кедровыми шишками. Дед Митяй, просек про то и стал набиваться третьим с ними пойти. Хитрый дед знал, что мужики с собой еще и самогон взяли.

– Дед, ну на фиг, ты, нам в лесу нужен?! – горячился Федька Быстроух, – Толку от тебя никакого. Только обузой будешь... Вот назови хоть одну причину, чтоб мы тебя взяли с собой.

– А я это... струмент понесу, – нашелся Митяй, – Оно втроем веселей завсегда, чем вдвоем. Да и шишку шелушу я быстро, лишние руки не помеха.

– Федор, давай деда возьмем, – заступился Гришка, – Самогонки на всех хватит.

– Хорошо, уболтали. Выступаем через час.

Вообще кедром у нас ошибочно называют сибирскую сосну. Кедровая шишка обычно родиться раз в два года. А хороший урожай, не чаще чем в 4–5 лет. Сезон сбора шишки с 20-го августа по 10-е сентября. Если хочешь заработать на сборе кедровой шишки, надо поторапливаться...

Мужики собрались и пошли. Дорога не близкая, часа полтора топать. Дойдя до кедровника, сделали привал.

– Теперь можно, для восстановления сил, махнуть по двести грамулек, – обрадовался Федька, вытаскивая из рюкзака большую, холодненькую бутылку с самогоном.

Выпили, закусили. Еще разок повторили. Вокруг природа, запах лесной, сладкий, птички поют. Красотища! Вставать неохота, а надо.

– Мужики, за работу! – скомандовал Федька, – Мы с Гришкой, по очереди шишки сшибаем, а ты дед их шелушить будешь.

Федька юлой крутнулся на месте, спросил растерянно:

– Митяй, а колот где? Что-то я, его не вижу.

У деда Митяя сердце екнуло, от нехорошего предчувствия.

– Митяй, хрен старый, колот где? Только не говори, что ты его забыл...

– Хорошо, не скажу, – заверил дед Митяй.

Увидев перепуганное лицо деда, Федька Быстроух обо всем сразу догадался.

– Вот было у меня предчувствие, что этот пенек трухлявый, обязательно сделает нам какую-нибудь пакость. Все взяли для добывания шишки, – Федька начал перечислять, – Мешки взяли, шелушилку взяли...

– Самогонку еще взяли, – подсказал дед Митяй.

Федька яростным взглядом, словно огнем, опалил деда, сказал сквозь зубы:

– Самого главного не взяли – колота. Что теперь будем делать?

Хочу пояснить читателю, что колот это огромный деревянный молоток. Ручка у колота достигает полтора человеческих роста. А сама ударная часть представляет чурку, длиной около метра и до 40 сантиметров в диаметре.

Используют, колот так. Конец рукояти упирают в землю и с размаху ударяют по кедру несколько раз. От ударов шишки сыпятся с дерева на землю. С одного дерева можно собрать полтора мешка шишек. Потом их надо шелушить, добывая сами зерна.

Наши герои оказались в лесу без самого главного инструмента.

– Грит, я струмент вам понесу, – очень похоже, перекинул деда Федька, он все не мог успокоиться, – Возврататься надо в деревню.

– Погодь возврататься, – вмешался Гришка, – Сядь, охолонь сперва. Давай выпьем и обмозгуем сложившуюся ситуацию.

Федька сел, но успокаиваться не собирался, на Митяя зло поглядывал и качал головой.

Разлили самогон, выпили молча.

– Может, есть идеи у кого? – спросил Гришка.

– Вона, Митяй хочет, что-то предложить, – съязвил Федька.

Митяй даже подавился водкой:

– Злой ты Федька... Я же не специально забыл колот...

– Халявщик ты Митяй.

– Хватит вам собачиться! – оборвал спорщиков Гришка, – Возвращаться с пустыми руками неохота. Есть идея, как шишки можно посбивать.

– Как, лбами колотить по стволам! – взвизгнул Федька, – Или деревья раскачивать.

– Выслушай сперва! – прикрикнул Гришка, – Видишь, вон бревно лежит?

– Ну, вижу, – посмотрел Федька в указанном направлении.

– Вот мы, берем это бревно и с разбегу, по самому здоровенному кедру, как шарахнем.

Все шишки наши, – Гришка улыбнулся счастливо, как ребенок.

Идея всем понравилась. Потому что других идей больше, никому в голову не приходило.

Федька с Гришкой подняли бревно, дед Митяй стал в середине. Выбрали высоченный красавец – кедр. Затем отошли метров за сто от кедра, это чтоб хороший разгон получился.

– Ну, с Богом! – крикнул Гришка Ивакин.

Побежали, неся на своих плечах тяжелое бревно. Теперь мужики чувствовали себя единой командой, которая могла горы свернуть, а не только кедр тряхнуть.

Бежать пришлось по небольшому склону, поэтому быстро набрали приличную скорость. Выбранный для удара кедр приближался, угрожающе увеличивался в размерах.

– Мужики на смерть разобьемся! – первым не выдержал Федька и заорал во все горло, – Сворачивай в сторону! Сворачивай Гриша!

Гришка и сам видел, что от такого удара, неизвестно кто больше пострадает, кедр или они. Перед самым кедром Гришка отвернул в сторону.

– Надо было поменьше деревце для первого раза выбрать, а не такое здоровое, – кричал сзади Федька, – Гришка тормози.

Затормозить сразу не получилось, слишком сильно разогнались. Но дальше дорога пошла на спуск. Скорость еще больше увеличилась. Бревно упорно тянуло вперед. Мелькали перед глазами, с бешеной скоростью, пронесившиеся мимо деревья. Гришка с трудом уворачивался от частых деревьев, избегая смертельного для них столкновения. Дед Митяй задыхался от такого быстрого бега, он боялся, что его сердце не выдержит, но вынужден был продолжать этот забег.

Со стороны же это выглядело довольно забавно. С горы, с крейсерской скоростью бегут трое, с бревном. Бегут зигзагами, уворачиваясь от деревьев, увеличивая свою скорость. За ними тянется густой шлейф пыли. Из-под ног шишки со свистом разлетаются. Птицы испуганно шарахаются во все стороны, громкими тревожными криками предупреждая зверье об опасности.

– Гришка убьемся, тормози! – задыхаясь, кричал Федька.

– Не могу! – задыхаясь, отвечал Гришка, – Бревно это треклятое бросать надо!

– Так бросаем!

– Бросаем на счет три, – предложил Гришка.

– Считай, давай.

– Раз...два...

На счете «два» дед Митяй отпустил бревно, упал, зарываясь носом в мягкую землю, щедро присыпанную кедровыми иголками. Федька и Гриша, с бревном побежали дальше под откос.

– Дед Мазай! Ты сук-а-а! – закричал в бессильной злобе Федька.

– Может и сука, но зато живая... И не Мазай я, а Митяй, – проворчал дед, с трудом поднимаясь с земли и отряхивая грязную одежду – Мужики, может МЧС вызвать вам на подмогу?

Дед потрусил следом за мужиками, но сразу понял, что молодежь ему не догнать. Шагов через двести он наткнулся на потерянный Гришкой сапог.

«Наверно упарился, бедолага, раз одежду, прям, на ходу скидывает», – подумал Митяй.

Внизу сопки, там где проложена дорога, что-то громко бухнуло. Звук такой был, словно ударили по огромной консервной банке. Деревом это не могло быть. Во что же они могли врезаться? Любопытство нельзя победить. И дед Митяй заспешил вниз.

В это время внизу сопки, по лесной дороге проезжал яркий автобус, с японскими туристами. Иностранцы с интересом любовались таежной природой.

Кто-то из пассажиров, попросил экскурсовода сделать небольшую остановку. Экскурсовод наклонился к водителю и что-то сказал ему. Водитель кивнул и начал притормаживать. Двери автобуса с мягким шипением открылись.

– Как у нас говорят в России, мальчики налево, девочки направо, – весело объявил экскурсовод, общаясь с японцами, на их родном языке.

Японцы, не спеша, громко переговариваясь, потянулись из автобуса на природу. Разбрелись по кустикам. Водитель с экскурсоводом закурили.

Минут через пять туристы стали возвращаться к автобусу. Некоторые собирали большие шишки, которых здесь во множестве лежало...

Внезапно что-то неуловимо изменилось. Испуганно, с тревожными криками, разлетелись птицы. Послышался непонятный шум, словно что-то скатывалось с горы. Все, кто еще находился, на улице стали оглядываться по сторонам, пытаясь понять причину непонятного шума.

Как-то разом, все увидели серо – желтое облако пыли, которое быстро двигалось между деревьями, спускаясь вниз с сопки, прямо к автобусу.

– Что это?! Что случилось? – встревожились туристы.

Японцы бросились к дверям, расталкивая друг друга. В дверях возникла давка. А странное облако пыли быстро приближалось, и теперь оно было совсем близко. Уже стали видны, в густой пыли, две бегущие, человеческие фигуры, вцепившихся мертвой хваткой в большое бревно.

Если раньше существовали камикадзе, идущие на смертельный таран, то они скорее всего выглядели, как двое этих сумасшедших русских мужиков с бревном.

Некоторым туристам, резко захотелось еще раз сходить в кусты, но на этот раз уже по большому. Все сомнения отпали, русские камикадзе выбрали себе цель. Этой целью являлся автобус с туристами. Русских уже ничего не могло остановить.

С диким победоносным воплем, в растрепанной одежде, со включенными волосами, у первого даже одного сапога, на ноге не было, русские аборигены со всей дури врезались точно по центру автобуса. От мощного удара, в правый борт, автобус вздрогнул всем корпусом и едва не опрокинулся на бок.

Гришку с Федькой потрянуло так, что они едва не вылетели из своей одежды. Зато теперь охотники за кедровыми шишками, освободились от бревна.

Туристы, которые рвались спрятаться в автобусе. Теперь рванули в панике на улицу. Японцы не понимая, что так сильно разозлило русских мужиков, но, на всякий случай стали выбрасывать собранные в лесу шишки. Водитель на полусогнутых ногах вывалился из автобуса с монтировкой в руках, имея желание убить двух аборигенов. Увидев водителя, Гришка с Федькой, оглушенные мощным ударом, все-таки нашли силы встать на ноги. Не теряя, время они бросились к ближайшим кустам, где успешно и скрылись с места трагедии.

В это же время, туристы, с дикими криками, начали поспешно загружаться в автобус.

– Надо ехать, бистло, бистло! – кричали японцы водителю.

Автобус сорвался с места, уезжая с места коварной засады, этих диких аборигенов.

Туристы, припав к окнам, с ужасом осматривали подступающие к дороге заросли, каждую минуту ожидая очередную группу русских аборигенов, несущихся с бревном наперевес к автобусу.

– Зачем эти русские, так с нами поступили? – со страхом спрашивали у экскурсовода японцы.

Экскурсовод только головой крутил, не зная, что ему сказать.

– Господа, я все понял! – вскочил один японец, в дорогом пиджаке, – Мы, только что, получили прекрасный пример, как надо охранять природу. Стоило нам в неположенном месте остановиться для... э-э...удовлетворения естественных надобностей, как нам намекнули, что мы, не совсем правы.

– Ни хрена себе намек... – недовольно проворчал водитель, который все еще не мог унять дрожь в руках.

Теперь действительно все стало на свои места. Все с облегчением вздохнули.

– Господа, это были не бандиты, это были сотрудники российского Гринписа. Защитники леса... Боюсь, у нас могут возникнуть проблемы с местным Гринписом.

Туристы заметно помрачнели. Только этого им, не доставало.

– Раньше ничего подобного здесь не было! – божился экскурсовод, – Клянусь, в первый раз такое вижу.

Гришка с Федькой шишки все же набрали, в другой раз, но деда Митяя с собой уже не взяли. Так им было спокойней.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ. СТРАСТИ ПО ЧАПАЮ

Никто и предположить не мог, что показанный в Гнилушках фильм, «Чапаев», вызовет целую бурю страстей, среди жителей этой деревни. Но, обо всем по порядку.

Итак, в воскресенье, в деревенском клубе показывали фильм «Чапаев». На полтора часа жизнь в Гнилушках замерла, а деревня буквально вымерла. Клуб был забит людьми под завязку. Бабы и мужики, за детей, я даже не говорю, с восторгом следили, за происходящими на экране событиями. Все очень переживали, когда беляки подло напали на спящих чапаевцев.

– Эх, тетеря сонная, кто же на посту спит! – первым не выдержал грузчик продуктового магазина Семен Лопата. – Чапаю бы, в его дивизию, нашего старшину! Он бы закачал до смерти этих растяп...

На Лопату недовольно зашикали со всех сторон, и он обиженно замолчал.

Только беляки на экране, подкрались к чапаевцам, как стала выделяться в зале, беременная Нюрка Прошкина. Эта дуреха решила, что именно сейчас наступил самый удобный момент, чтобы ей рожать. Девка стала настырно тыкать своим остреньким локотком в бочину своего мужа Игоря, который сидел в соседнем кресле, пялился на экран и совершенно не думал о ней.

– Игорь, я, кажись, рожать начинаю... – нагло заявила деваха.

– А ты не начинай... – отмахнулся муж, не в силах оторваться от экрана.

– Давай, вези меня в больничку... – заныла Нюрка, громко всхлипывая, чтобы быстрее разжалобить черствое сердце мужа.

– Да погодь ты, шантажистка... – отмахнулся чубатый Игорь. – Тебе рожать, еще только через три недели... Нам недоношенное дите без надобности... Ишь, чего удумала... Нашла время для глупостей...

– Игорь, вези меня в больничку... Или прямо здесь детя родю... – Нюрка вцепилась в мужа, словно энцефалитный клещ.

– Да, шас... Нюрка, погодь немного. Кино уже к концу доходит... Я, вона, тоже сильно курить хочу, и ничего, терплю... Не ною, как некоторые...

Но, и Нюрка решила не сдаваться:

– Вот охламон придурошный, сравнил тоже, рожать и курить, совсем разные вещи... – обиделась Нюрка и шарахнула непутевого мужа кулачком по вихрастой голове.

– Нюрка, я тебя, как человека прошу, потерпи со своими родами, – начал злиться Игорь. – Тут беляки, Чапая хотят порешить, а она дура уперлась, я родю, я родю чичас...

До Нюрки наконец дошло, что пока беляки не прикончат Чапая, муж Игорь даже мизинцем не пошевелит, чтобы ее, в роддом отвезти.

А затем беляки из пулемета стреляли по Чапаю, когда тот, переплывал реку Урал.

– Врешь, не возьмешь, – хрипел раненый Чапай.

Но пули все ближе, и ближе подбирались к отважному герою.

– Вот гады, чего творят! – не выдержал кузнец Прохор Добробаба, и двинул своим тяжелым кулаком по спине, впереди сидящего бухгалтера Крыса Анатолия Валентиновича.

Крыса скатился с кресла на пол, и больше не появился, опасаясь за свою спину.

Дед Митяй, тоже незаслуженно пострадал, схлопотал в глаз. Он-то фильму такую, в молодости видел, когда ездил в город. И концовку фильма знал. Поэтому не сдержался, жалостливо по-бабьи вздохнул и, придав своему голосу всемирную печаль, громко простонал:

– Э-э хе-е х-е... Не доплыть Чапаю до берега... Прихлопнут его беляки...

– Не каркай, пенек трухлявый! – взвизгнул истерично передовик-комбайнер Санька Грязнов, крепко принявший «на грудь» перед фильмом. – Может Чапай вывернется... Может доплывет до берега.

– А я че, я ниче... – не ожидал такой реакции на свои слова дед Митяй, втягивая в щуплые плечи голову, словно черепаха в панцирь. – Я-то здесь ни при чем. Это все беляки проклятые...

– Прибыю тебя, Гангрена, ежели что с Чапаем случится... – пообещал Гришка Ивакин, погрозив деду здоровым кулаком.

Митяй понял, что пора уходить... А тут и Чапая беляки достали из пулемета. Раз, и нет Чапая.

– Ах ты-ы!!! Вот-же гадюка какая! – взвыл передовик-комбайнер, Санька Грязнов, и деду хрясть кулаком прямо в глаз. – Сгубил таки Чапая!

Дед Митяй упал, как подкошенный. Даже пикнуть не успел. Затем собрав все силы, Митяй рванул к выходу из клуба...

Потом, правда, на следующий день, протрезвев, Санька Грязнов сильно извинялся перед дедом:

– Митяй, прости дурака. Распереживался я, сильно за Чапая. Не сдержался...

– Ничего, ничего. За Чапая и потерпеть можно, – дед Митяй не держал зла на Саньку, только отодвинулся на несколько шажков в бок от горячего парня, так на всякий случай.

Фильм произвел на жителей Сосновки должное впечатление, и крепко запал в сердца. Теперь даже, когда мужики выпивали, то обязательно первый тост у них был: «За Чапая!».

Детвора тоже полюбила лихого командира, в бурке, и в лихо заломленной на голове папaxe. Деревенские пацанята, игравшие до этого в «казаков – разбойников», в «индейцев», или в «немцев», стали играть «в Чапая». Только странная игра у детей выходила. В каждой игре должны быть «красные» и «белые». Но, беляками никто не хотел быть, зато все хотели быть Чапаями. Или же, на худой конец Петькой.

Часто дележ ролей перерастал в настоящую драку, после которой пацанва разбегалась по своим дворам, зареванные, с разбитыми носами и в разорванных рубашках. Такие «игры» не могли понравиться родителям. Последовал строгий запрет, Чапаев оказался вне закона.

– Чтоб я не видела, что вы играете в Чапая. А то тебе, сына скоро нечего будет надеть на улицу. Две рубашки за неделю, в клочья изорвал, – обычно говорили матери своим детям.

– Увижу, что играешь в Чапая, выпорю до смерти, – добавляли менее дипломатичные в воспитании детей папашаи.

Дети есть дети, мнение взрослых, их мало интересовало. Мальчишки поняли, что им надо договариваться между собой. Последовали длительные переговоры, но выход в конце концов был найден. Теперь в игре принимало участие сразу пять, а то и семь «Чапаев», которые часто сражались друг против друга.

Да, если придерживаться исторической правды, то это не правильно. Зато все дети были довольны...

Некоторое замешательство внес Стасик, сынок местного бизнесмена, Яшки Гниды.

– А я, не хочу быть Чапаем! – заявил Стасик. – Я, лучше буду белым пулемётчиком, который прикончил вашего Чапая.

За такие подлые слова Стасик едва не получил в глаз от Павлика Ивакина. Хотя Павлик был на три года младше Стасика, но Стасик был трусливым мальчиком. Поэтому Стасик вовремя успел отбежать от пацанов.

– Иди отседова Гнида! – крикнул Павлик.

– Ой, и пойду. Больно мне надобно с вами, по грязюкам лазить. Тока я, сейчас сходяю, к твоему папане. Расскажу, что ты Павлик в Чапая играешь, – крикнул Стасик Гнида, находясь на безопасном расстоянии от мальчишек. – Вот тебе, папаня всыпит! Ох, и всыпит по заднице...

Павлик было бросился к Стасику, но тот сорвался с места, словно имел на ногах сапоги-скороходы. Павлик видел, что ему не догнать Стасика и прекратил погоню.

– Гнида, больше не приходи к нам играть! – крикнул Павлик вдогонку беглецу. – мы тебя даже Анкой-пулеметчицей не возьмем к себе!

– Больно надо... – крикнул в ответ Стасик.

Про вредного Стасика мальчишки вскоре забыли. Несмотря на суровые запреты родителей, начиналась новая игра в «Чапая». Всем известно, что запретный плод слаще, а потому игра обещала быть очень интересной.

По ходу игры возникали разные трудности. Бурок таких, как у Чапая, конечно не было. Ее заменял, наброшенный на плечи свитер, рукава которого завязывались вокруг шеи. Еще можно было набросить старое пальто или на крайний случай, простой мешок. Вместо папахи подходила любая шапка ушанка, причем чем больше размер, тем лучше.

А Машка Сомова, первая красавица на деревне, чего учудила. Заявила своему парню, Саньке Грязнову, передовику-комбайнеру, (с которым, кстати, собиралась обжениться в конце лета), что замуж за него не пойдет, ежели он, Санька, не вырастит у себя под носом, такие же усища, как у Чапая. Машка дала Саньке срок для исполнения – месяц.

– Как хошь, а без усов до меня и не приближайся даже! – вот, так категорично заявила Машка Сомова.

Санька пообещал своей зазнобе, что он, поработает над собой, и вырастит на радость Машке, точно такие же усы. Санька пообещать то пообещал, но усы не вошли в его тяжелое положение, и росли как-то вяло и неохотно.

Через две недели, когда Санька посмотрел на себя в зеркало, то он, впал в уныние.

Вместо роскошных усов, у Саньки Грязнова, под носом торчало во все стороны, что-то непонятное и некрасивое, мало напоминающее усы легендарного Чапая.

– Эх, сынок, – вздохнула мамка, видя страдания своего сына. – Если Машка, из-за усов тебе нервы треплет, то что дальше будет... Не ходи к этой дурынде бестолковой, не позорься перед людьми... Погляди, хороших девок в Гнилушках, цельный воз и маленькая тележка. Одна другой краше...

Только по молодости, разве дети прислушиваются к советам своих родителей?

Петька, конечно, понимал мамкину правоту, но любовь сделала его послушным орудием в руках Машки Сомовой.

– Разберемся, – хрипло выдохнул Санька Грязнов, в душе понимая, что мамка права.

Но Санька пошел к своей Машке. Машка Сомова встретила парня на пороге дома. Издевательски оглядела Санькины усы, хмыкнула:

– Санечка, ну и где твои усы, как у Чапая? Ты эту поросль под носом, чего на распродаже приобрел? Ох, не любишь ты меня Санечка. Ох, не любишь...

Санька стоял, переминаясь с ноги на ногу, как нашкодивший пацаненок, и не знал, что ему сказать в ответ.

– Можешь идти, и без усов, больше не приходи ко мне, – заявила деревенская красавица. – Ты без усов выглядишь, как школьник-старшеклассник, а не как мужик, который в армии отслужил.

Чтоб еще больней парню сделать Машка добавила напоследок:

– Ко мне Юрка Жиров сватается. Вот, у него усища роскошные...

– Да сдались тебе, эти усы... – с горечью воскликнул Санька.

– А вот и сдались! Хочу мужика с усами, и все!

Пригорюнился несчастный парень. Видел он, этого Юрку. Худой, как глиста в скафандре, большеголовый, уши в стороны торчат, словно лопухи. Но, зато под носом у Юрки росли роскошные усы, точно такие, как у Чапая.

Вот, когда Санька люто возненавидел Чапая и заодно Юрку Жирова. Но, до Чапая Саньке не дотянуться, а вот этого шибзика Юрку Жирова он, мог достать.

– Я прибую этого гада лопоухого! – пообещал на прощанье Санька.

Машка только хмыкнула в ответ.

Петька покружил бестолково по деревне, в поисках своего соперника и конкурента. Но Юрка Жиров, словно предчувствуя беду, которая ему угрожала, где-то затихарился. Неудача еще больше разозлила деревенского Ромео. В голове прокручивались самые жуткие картины мести над более удачливым соперником.

– Выдеру Юрке усы и засуну их, ему в... – сам с собой разговаривал Санька. – А потом Машка нехай в это место с усами Юрку целует...

Деревенские с опаской косились на Грязнова, который общался с невидимым человеческому глазу собеседником.

Саньку ноги, в конечном счете привели в магазин, торгующий водкой, где он, удачно наклюкался. Еще через час, парень снова прочесывал деревню, и колошматил своими тяжелыми кулаками, всех усатых мужиков, которые встречались ему на пути.

Деревня вымерла и затаилась. Последним узнал, о проделках Саньки Грязнова, местный участковый Степан Могила, который находясь у себя дома, собирался сытно пообедать.

– Участковый, пока ты, борщи наяриваешь, Санька Грязнов по деревне шатается, людям мордасы бьет! – в раскрытом окне показалось знакомое лицо соседа, Захара Комарова.

Только сегодня, на круглом лице Егора, под глазом, красовался громадный синяк.

– Во, видал, как Петька приложился...

Участковый с неохотой оторвался от тарелки с борщом, спросил:

– За что это он, тебя так?

– А я знаю... Сказал только, получи гад усатый...

Пришлось участковому срочно собираться. Могила оделся, нацепил кобуру, вышел на улицу. Вскоре столкнулся с виновником переполоха.

– Что же ты, делаешь, лиходеи! А ну марш домой, высыпаться... – грозно и строго закричал участковый, пытаясь своим криком прекратить безобразие.

Санька, узнав перед собой участкового, сразу присмирел. Но, тут ему в глаза бросились пышные усы, на лице представителя закона. Обида на всех усатых вспыхнула с новой силой. Усы подействовали на парня, так, как действует красная тряпка на бешеного быка.

– Ах, ты-ы, гад!!! – взревел Санька, и вмазал участковому кулаком в морду.

Участковый отлетел к забору. Фуражка покатилась, сделав круг почета. Увидев безумные глаза Саньки Грязнова, участковый перепугался за свою драгоценную жизнь. Понимая, что помощи ему, ждать неоткуда, в целях самообороны, Степан Могила схватился за кобуру. Каково же было его удивление, когда он, вытащил из кожанной кобуры, не свой ПМ, а детский, водяной пистолетик розового цвета, принадлежавший сыну Ваське.

Откуда появился у него в кобуре детский пистолет, капитан Суслов вспомнил сразу. Он вчера ездил в город, в управу. Там всех сотрудников милиции ожидала очередная переаттестация. Всем ментам, для дальнейшего прохождения службы, надо было выполнить следующие нормы; подтянуться 12 раз на турнике, 25 раз отжаться от пола, и пробежать кросс за... ну, не важно за сколько минут. Могила не отжался, не подтянулся, и не прибежал, за что начальство пообещало его уволить.

Так-так Могила больше ничего в жизни не умел делать, то он сильно расстроился.

Домой участковый попал под вечер, в сильном подпитии. Жене участковый пообещал перестрелять всех гадов, которые мешают ему жить. Так как муж не уточнил, каких именно гадов он, собирался перестрелять, то жена, к этим гадам, добавила себя. Понимая, что е жизнь находится в опасности, хитрая женщина решила перестраховаться, заменив настоящий пистолет на водяной.

От вида детского пистолетика, который не мог защитить его от хулигана, Могила сильно перепугался.

– Ах ты, таракан усатый! Ах ты, ехидна! – наступал Санька Грязнов, с упорством барана вожака.

Участковый поспешил перелезть через штaketник, и затем огородами удрал к лесу, отыскивая дорогу одним оставшимся целым глазом.

На следующий день Санька проспался, успокоился. Затем он сбрил начисто усы, и уехал в город, устраиваться на работу, твердо решив, выкинуть Машку Сомову из головы. Потом жизнь у Саньки наладилась. Он встретил в городе хорошую девушку, а через полгода женился на ней. Так в городе и остался.

А Машке Сомовой, Юрка Жиров быстро надоел, и они расстались. Она так Юрке, прямо и сказала:

– Надоел ты, мне Юрка. Еще у тебя уши большие, словно лопухи...

Зная Машкин взбалмошный, скверный характер, местные парни относились к девушке с опаской. От такой не знаешь, чего она может выкинуть...

В конце концов Машка тоже уехала, и говорят, стала фотомodelью...

Участкового Могила не уволили из милиции. Просто желающих ехать в Гнилушки за мизерную зарплату не нашлось. Проще оказалось подправить аттестационные документы, показать, так сказать, что Могила успешно сдал все спортивные нормативы.

Гнилушки снова зажили спокойной жизнью.

Через месяц, участковый проходя мимо клуба, увидел, что приехала машина из города. Могила заглянул в окошко киномеханика, громко и весело спросил:

– Эй, сапожник, чего сегодня смотреть будем?

– Кино про Котовского... – ответил киномеханик.

Участковый вытер выступивший на лбу пот, и на всякий случай перекрестился.

НАША СЛУЖБА И ОПАСНА И... ВРЕДНА

ДЕЛО ПЕРВОЕ. УПЫРЬ С УЛИЦЫ ВЕСЕЛОЙ

Посвящается всем отважным работникам милиции, которые, не жалея живота своего несут тяжелую, и опасную службу по охране порядка, иногда оказываясь в неординарных ситуациях.

ППС – для тех, кто действительно не знает, Патрульно-постовая служба, одно из подразделений милиции.

1

Старый, весь дребезжащий «уазик» перевозил патруль ППС в составе двух человек. За рулем машины сидел пятидесятилетний сержант Михаил Леопольдович Гарбуз. Толстый, вечно ворчливый дядька, с пушистыми седыми усами. Вот он, и сейчас завел свою любимую пластинку:

– Федька, вот скажи мне...

Рядом с водителем сидел старший патруля, Федька, а вернее сержант Федор Иванович Кулебяка. Маленького росточка, Кулебяка больше похож был, со стороны на подростка. Рыжеватый, рано облысевший, с большими ушами Федька красавцем не был, но бабы к нему липли, как мухи на мед. Хотя к нашему рассказу это отношения не имеет.

Прослужив десять лет в милиции, Кулебяка заслужил определенный авторитет, и был на хорошем счету у начальства. Гарбуз же его, кроме как «Федька» никак больше не называл. Мог иногда, еще и по заковыристей обозвать; «сопля в скафандре», «сосунок», или «щенок лопухий». Такое отношение, конечно, злило, и раздражала старшего патруля, но сделать он, ничего не мог. Гарбуза в Отделе тоже ценили и уважали.

– Федька, вот скажи мне, ветерану МВД, когда мне заменят эту чертову колымагу, на нормальную машину? – спросил ветеран МВД.

«Уазик» словно почувствовав, что говорят про него, раза три громко и возмущенно «чихнул», сотрясаясь всем корпусом.

– Вот, видал, что делается! – Гарбуз даже обрадовался. – Этот старый драндулет, в один прекрасный день, просто на ходу, сам рассыпется, а мы, будем пешкодралом ходить.

Под днищем «уаза» что-то громко хрустнуло, а колеса сами собой вильнули по направлению к встречной полосе.

Сержант Гарбуз заскрипел зубами, напрягся и выровнял руль.

– Выделили специально, три машины импортные, для всего РВД. И что? Начальство сразу себе прибрало... Мы за преступниками гоняемся на металлоломе, а начальство раскатывает на «мерсах» и «бэхах», по кабакам да по баням, как царьки. Федька, разве это справедливо?

Кулебяка не успел ответить, в этот момент громко захрипела рация таким голосом, словно, кто-то душил дежурного:

– Махаон, Махаон, это Парнасиус, надо подъехать к парку Революции, там молодежь хулиганит... – сообщил дежурный.

– Опять... – простонал ветеран МВД, и на его глаза навернулись слезы.

Месяца два назад их патруль получил аналогичный вызов, подъехать к парку Революции. Они поспешили. Приехали. Огляделись.

На небольшой лужайке, на самодельных скамейках сидело человек семь пацанов. Сидели и громко пели какой-то модный блатняк, про воровскую любовь и про зону. Здесь же, прямо на земле разложена еда, консервы всякие. Общую композицию довершали бутылки с водкой и пивом. Непорядок на лицо.

– Махаон, Махаон, помощь нужна, – издевательски прохрипела рация, голосом уже почти задушенного дежурного.

– Парнаус, сами справимся, – заверил Кулебяка.

– Не Парнаус, а Парнасиус, – возмутилась рация.

– Не один хрен, – буркнул в сторону сержант Кулебяка.

Вообще это увлечение начальника РВД подполковника Букашина бабочками, раздражала многих. Вот и позывные он, Букашин, лично сам для патрулей придумал. Все позывные теперь происходили от названий бабочек. Здесь не поспоришь, Букашин начальник, остальные все – дураки.

Кулебяка согласился на позывной «Махаон». Посчитал, что это лучше, чем быть, «Капустницей», или «Павлиньим глазом».

Кулебяка и Гарбуз направились к потерявшей страх малолетней шпане, не подозревая, что они сами попали в хорошо подготовленную засаду.

Когда милиционеры подошли к молодежи, а Кулебяка козырнул, и только открыл было рот, чтобы поинтересоваться, что это за посиделки здесь устроили, почему шумят... Его опередили. Один из пацанов подскочил со скамьи, словно ужаленный и заорал дурным голосом:

– Пацаны, атас! Кто последний тот «козел»!

В этот момент, из ближайших кустов, с криками и воплями, выскочило еще человек двадцать пацанов и девчонок. Кулебяка решил, что это последнее его дежурство в этой жизни. Но вся молодежь бросилась к их старенькому «уазiku». Открыв все четыре двери, пацанва стала пропихиваться в салон автомобиля. Несколько раз жалобно пробибикал сигнал «уазика», видимо взывая о помощи. Но, что могли сделать два мента, против двадцати малолетних дуроломов.

Через полминуты ментовской «уазик» оказался заполнен подростковыми телами под самую крышу, в прямом смысле этого слова, словно консервная банка рижскими шпротами. А еще через полминуты «уазик» жалобно заскрежетал, показывая, что он не в силах противостоять такому беспределу. Задние колеса автомобиля просто отвалились, и «уазик» просел на брюхо.

Пока ошарашенные менты стояли рядом с покалеченной машиной, детишки радостные разбежались по кустам. Один из них, правда, сообщил приятную новость, видимо, чтобы приободрить ментов:

– Мусора, нам удалось перебить рекорд, у пацанов с соседнего района. В ваш вонючий «луноход» двадцать три человека вместились. Ура новому рекорду!

Еще миг, и парк опустел. На дороге остался растерзанный «уазик», и офигевший от нового рекорда, патруль.

Когда сообщили о поломке машины начальству, то начальство пришло в бешенство.

– Вы че, мне тут заливаете! Небось, кирпич со стройки тырили?! – выдвинуло свою версию начальство.

Ох, и влетело им тогда за сломанную машину.

Прошло только два месяца, и снова вызов в парк Революции.

– Федька, я в парк Революции не то, что на БТРе, на танке не поеду... – завыл, словно попавшийся в капкан волк, сержант Гарбуз.

Сержанту Кулебяке тоже не хотелось ехать в парк Революции. Он решительно схватил рацию и закричал:

– Пеленгас, Пеленгас, это Махаон! Не могу в парк Революции приехать, пробили колесо! Отбой...

– Сам ты Пеленгас... – обидчиво хрюкнула рация.

– Спасибо Федор Иванович, вовек не забуду, – по щеке сержанта Гарбуза прокатилась крупная слеза.

Ничего себе, этот грубиян и ворчун Гарбуз, сразу вспомнил имя и отчество старшего патруля.

Кулебяка понимал, что Гарбуз хоть и ругает свою старушку, но машину очень любит и бережет ее.

Поехали дальше. Кулебяке захотелось как-то подбодрить напарника.

– Михаил Леопольдович, а помнишь, как нас вызвали на улицу Земельную. Где пьяный мужик с топором бегал за женой и сыном. Приехали, перехватываем мужика, тот сразу испугался, трезвеет на глазах и заявляет, что он Папа Карло, и ни кого не собирался убивать. А с топором бегаёт потому, что хочет немного снять стружки у своего сыночка- Буратино.

Напарники начинают громко смеяться. Дежурство начиналось у них, слава Богу, спокойно.

2

– Юра, что у тебя с пальцем? – Дежурный майор Капустин обратил внимание, на перевязанный бинтом палец на руке у своего помощника, сержанта Перепелкина.

– Жена моя, Верка, говорит вчера: «Юра, вынеси мусор». А я говорю: «Мне не охота с дивана вставать». А Верка моя говорит, что если мусор не вынесешь, то я, мол, палец тебе тогда откушу, – Юрка громко заржал.

– Ну, и что? – Поинтересовался Капустин.

– Я не поверил, не встал с дивана, а Верка, змеюка, чуть палец мне не отгрызла. Во, видал! – Перепелкин покрутил перебинтованным пальцем, перед носом майора Капустина.

– Зато мусор не пришлось выносить...

– Какай там... Я Веерке сказал, что теперь, мол, я травмирован, не могу мусор выносить. А она, сучка, говорит, я, тебе палец не на ногу укусила, значит идти можешь. Будешь ерепениться, сейчас и не ногу отгрызу палец... Куда здесь денешься? Пришлось идти...

Приятные воспоминания Перепелкина прервал телефонный звонок.

– Алле! Ето милиция?

– Милиция, милиция, она самая, – майор Капустин, не задумываясь, выпил сразу две таблетки «цитрамона», у него сильно разболелась голова, – Чего хотели сообщить?

– Алле! А ето точно милиция? – недоверчиво спросили на другом конце провода женский голос.

– Да точно, точно... – договорить майор не успел.

– Срочно приезжайте на Веселую, у нас труп с огромным топором в спине.

В трубке что-то загремело. Затем раздалась какие-то визги. Это к чертям летела спокойная ночная смена.

– Какая еще Веселая, какой труп?! – взревел Капустин, он даже подскочил с кресла.

– Улица Веселая, корпус 5-Б, студенческое общежитие. На втором этаже труп лежит, с огромным топором в спине.

– А чего труп там лежит?

– Не знаю... Видно, где лег, там и лежит...

– Вы ничего не путаете? – со слабой надеждой спросил майор.

- Чего тут путать. Своими глазами, только что лицезрела этот ужас.
 - Как фамилия?
 - Чья, трупа? Не знаю, не спросила...
 - Да нет ваша фамилия.
 - Так я эта... господи, запомнила...
 - Вы что, свою фамилию забыли? – удивился Капустин.
 - Да забыла. Чай не каждый день трупы вижу с топорами в спине.
- Женщина бросила трубку, прервав интересный разговор.
- Майор еще не успел передать патрулям сообщение, как телефон вновь зазвонил.
- Дежурный по... – Начал было представляться Капустин.
- Но его оборвал женский пронзительный крик в трубке:
- Караул! Спасите! Помогите! На помощь!
 - Женщина, что случилось? Толком кричите, а не просто так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.